Вх.
153

Священника Ѳ. И. Титова.

Къ вопросу

О ПРИСОЕДИНЕНІИ

СИРО-ХАЛДЕЙСКИХЪ НЕСТОРІАНЪ

КЪ РУССКОЙ

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1900.

Священника Б. П. Титова.

Къ вопросу

О ПРИСОЕДИНЕНІИ

СИРО-ХАЛДЕЙСКИХЪ НЕСТОРІАНЪ

КЪ РУССКОЙ

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1900.

Печатать дозволяется. 25 августа 1900 г.
Ректоръ Кіевской духовной Академіи, *Епископъ Димитрій.*

396
37

Изъ журнала «Труды Кіевской дух. Академіи» №№ 8—9 1900 г.

Къ исторіи присоединенія сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви [1]).

Въ 1898 году. 25 марта. въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы совершилось въ Петербургскои Александро-Невской Лаврѣ радостное для всего православно-христіанскаго міра событіе. Разумѣемъ присоединение сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви. въ лицѣ нарочито явившейся депутаціи отъ сиро-халдейскаго несторіанскаго общества во главѣ съ епископомъ Маръ-Іоною. Наша церковно-историческая литература тогда же признала это событіе имѣющимъ весьма важное значеніе [2]). И послѣдствія этого событія, безъ сомнѣнія. могутъ быть великими и русской православной церкви, въ лицѣ миссіонеровъ ея. предстоитъ еще весьма широкое и плодотворное поприще среди новоприсоединеннаго общества.

Но событіе это вмѣстѣ съ тѣмъ. какъ и всѣ вообще историческія явленія, совершилось не неожиданно. не безъ предварительной—продолжительной и серьезной—подготовки. Русская

---

[1]) Настоящій очеркъ составленъ почти исключительно на основаніи подлинныхъ рукописныхъ. неизданныхъ, документовъ. хранящихся въ архивѣ Св. Синода въ д. № 3118 за 1859 г.

[2]) См. Церк Вѣстн. 1898 г № 13, стр 449

православная церковь, хотя и позже другихъ христіанскихъ инославныхъ обществъ, но все-таки давно уже вступила въ непосредственныя сношенія съ сиро-халдейскими несторіанами. Такъ что событіе 25 марта 1898 года явилось только вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ этихъ сношеній [1]).

Начало этимъ сношеніямъ положили сами же сиро-халдейцы, которые, подобно всѣмъ христіанскимъ народамъ Востока, всегда смотрѣли на Россію, какъ на самую надежную и желательную покровительницу и защитницу ихъ отъ окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ фанатичныхъ, нерѣдко къ тому же дикихъ послѣдователей ислама. Еще въ концѣ XVIII в. сиро-халдейскіе несторіане искали покровительства себѣ у Россіи, но безплодно, такъ какъ русскому правительству, занятому тогда внѣшними войнами, было не до

[1]) Сиро-халдейцы, называемые также иногда просто халдеями, или по-мѣстному айсорами, представляютъ пережитокъ, или ничтожный остатокъ древняго и нѣкогда славнаго народа. Впрочемъ, въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи сиро-халдейцевъ ученые расходятся, производя ихъ—одни отъ древнихъ халдеевъ, а другіе отъ тѣхъ израильтянъ, которые были отведены въ плѣнъ въ Месопотамію ассирійскими царями Тиглатъ-Пелассаромъ и Салманассаромъ. Среди сиро-халдейцевъ, или айсоровъ, живущихъ въ верховьяхъ рѣкъ Тигра и Евфрата, въ предѣлахъ персидскаго и турецкаго государствъ, христіанство распространилось весьма рано, въ первомъ вѣкѣ нашей вѣры, по ихъ преданію, отъ тѣхъ самыхъ волхвовъ восточныхъ, которые приходили въ Виѳлеемъ поклониться Спасителю и которые происходили, будто бы, изъ ихъ народа, въ частности изъ ихъ главнаго города Урми. Къ IV в. нашей эры сиро-халдейцы составляли уже многочисленную христіанскую общину, находившуюся въ зависимости отъ антіохійскаго патріарха и, къ сожалѣнію, усвоившую несторіанскую ересь, осужденную третьимъ вселенскимъ соборомъ (431 г). Наиболѣе цвѣтущаго состоянія, особенно въ количественномъ и пространственномъ отношеніи, сиро-халдейская церковная община достигла въ XI—XII вв., когда обнимала почти всю Азію включительно съ Индіею и даже Китаемъ. Но послѣ страшнаго разгрома сиро-халдейской несторіанской общины, произведеннаго въ XIV в. извѣстнымъ завоевателемъ Востока, Тамерланомъ, отъ нея уцѣлѣлъ самый жалкій остатокъ нѣкогда сильной общины, около 500 лѣтъ уже находящійся подъ гнетомъ турецкаго и персидскаго иновѣрныхъ правительствъ, но болѣе всего терпящій отъ окружающихъ дикихъ курдовъ, и управляемый своимъ духовнымъ владыкою—„каѳоликосомъ“, или патріархомъ...

сиро-халдейцевъ. Но эта неудача нисколько не ослабила въ несторіанахъ сиро-халдейскихъ сочувствія къ Россіи. Послѣ персидской войны въ 1829 году стремленіе сиро-халдейскихъ несторіанъ найти покровительство у Россіи приняло болѣе реальную форму, выразившись въ заявленномъ ими желаніи присоединиться къ русской православной церкви. Это желаніе было настолько сильно, что часть несторіанъ тогда же, подъ вліяніемъ именно подобнаго стремленія къ церковному соединенію съ русскимъ народомъ, переселилась изъ Персіи въ Россію и здѣсь, дѣйствительно, приняла православіе. Эти новообращенные переселенцы, безъ сомнѣнія, еще болѣе содѣйствовали оживленію давней склонности сиро-халдейскихъ несторіанъ къ соединенію съ русскою православною церковью. При ихъ нѣкоторомъ участіи въ концѣ 1850 годовъ возникла новая попытка со стороны сиро-халдейцевъ найти себѣ защиту и покровительство у Россіи и, прежде всего, соединиться съ русскою православною церковью. Попытка эта, хотя и не сопровождалась полнымъ благопріятнымъ исходомъ, но, безъ сомнѣнія, имѣла весьма важное значеніе въ общей исторіи при соединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ съ русской православною церковью. Объ этомъ моментѣ исторіи сношеній между русскою церковью и сиро-халдейцами у насъ и будетъ рѣчь.

Сношенія сиро-халдейскихъ несторіанъ съ русскимъ правительствомъ церковнымъ и гражданскимъ—на сей разъ началось черезъ посредство начальника русской второй духовной миссіи въ Іерусалимѣ преосв. Кирилла Наумова, имя котораго и особенно благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на всѣхъ христіанскихъ обитателей Востока—не только православныхъ, но даже и инославныхъ, также, безъ сомнѣнія, немало содѣйствовало возникновенію въ это именно время среди сиро-халдейскихъ несторіанъ стремленія къ соединенію съ русскою православною церковью.

Передъ праздникомъ Пасхи, въ 1859 году, явился въ Іерусалимъ изъ Константинополя одинъ сиро-халдейскій священникъ, по имени Михаилъ. Принятый ласково и радушно начальникомъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, халдейскій священникъ Михаилъ объявилъ ему, что онъ прибылъ сюда, по совѣту трехъ патріарховъ—вселенскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, для переговоровъ съ преосв. Кирилломъ по поводу предпринятаго имъ дѣла—присоединенія къ православной церкви 30.000 семействъ, находящихся въ персидской провинціи, называемой Руми-сехиръ (Ρουμ-σεχίρ, т. е. мѣсто грековъ, мѣсто православныхъ) Священникъ Михаилъ увѣрялъ, что эти семейства, какъ и онъ самъ, православнаго исповѣданія, по несчастію только отпавшія отъ видимаго общенія съ православною церковію, что продолжалось уже 400 лѣтъ.

Іерусалимскій патріархъ (Кириллъ II), бывшій въ то время въ Іерусалимѣ, съ своей стороны, подтвердилъ заявленіе сиро-халдейскаго священника, сказавъ, что священникъ Михаилъ, дѣйствительно, получилъ въ Константинополѣ совѣтъ отправиться въ Іерусалимъ для свиданія и переговоровъ съ начальникомъ русской духовной миссіи. Патріархъ при этомъ отъ себя прибавилъ, что дѣло, начатое священникомъ Михаиломъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и его можетъ взять на себя только русская Церковь. Но въ то же самое время патріархъ іерусалимскій высказался, что онъ не вѣритъ православію ни священника Михаила, ни названныхъ имъ 30.000 семействъ, считая ихъ несторіанами, почему онъ и не разрѣшилъ священнику Михаилу участвовать въ богослуженіи и пріобщаться св. Таинъ въ праздникъ Пасхи.

Бесѣды самого начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ съ халдейскимъ священникомъ Михаиломъ не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ ни по отношенію къ опредѣленію его вѣроисповѣданія, ни въ отношеніи уясненія его желаній. Тогда преосв. Кириллъ Наумовъ предложилъ

халдейскому священнику Михаилу изложить исторію и сущность своего дѣла на бумагѣ. Бумага эта (на греческомъ языкѣ) скоро была представлена. Въ ней заключалось слѣдующее.

„Въ епархіи, называемой Руми-Сехиръ, принадлежащей нынѣ Персіи.—писалъ халдейскій священникъ Михаилъ.—„находится 30.000 христіанъ, пасомыхъ четырьмя архіереями—двумя митрополитами и двумя епископами (митрополіи называются—ердисен (ердисенская) и гевиленъ (гевиленская), а епископіи—ада (адасская) и гкіутафа (гкіутафская). Такіе же христіане есть и въ русской Персіи, въ епархіи Эриванской, въ трехъ селеніяхъ: Куласаръ, Дуіунъ и Гкіоли.

Къ этимъ христіанамъ принадлежу и я, носящій у нихъ званіе священника. Отправившись изъ своего отечества для поклоненія свв. мѣстамъ и посѣщая во многихъ странахъ православныя церкви, я нашелъ много сходства (πολλὴν ὁμοιότητα) между священнодѣйствіями, которыя въ нихъ совершаются, и между нашими священнодѣйствіями и чиноположеніемъ. Размысливши, съ другой стороны, о томъ, какимъ опасностямъ подвергаются наши христіане отъ католиковъ и протестантовъ, различными способами усиливающихся распространить среди насъ свое исповѣданіе, я возжелалъ обратить вниманіе православной восточной церкви на бѣдствія нашего народа, точнѣе же—исходатайствовать покровительство ему со стороны всероссійскаго Святѣйшаго Правительствующаго Синода, который имѣетъ возможность возстановить опять сіявшую нѣкогда въ Персіи восточно-православную церковь, по несчастнымъ обстоятельствамъ упадшую и угрожаемую скорымъ уничтоженіемъ, если какая либо рука не прострется, чтобы спасти ее отъ належащихъ бѣдъ.

Такъ какъ впродолженіе четырехъ сотъ и болѣе лѣтъ мы не входили въ общеніе съ другими православными церквами, то легко можетъ быть, что въ нашихъ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ иное потерпѣло какую либо перемѣну

въ отношеніи къ образу совершенія, или въ отношеніи къ благолѣпію Сюда должно отнести недостатокъ богослужебныхъ книгъ и необразованность церковныхъ предстоятелей нашего народа. Если бы церковь русская благоволила соединить насъ съ православными, то у насъ удобно были бы исправлены измѣненія и отступленія, и церковь наша была бы возведена въ состояніе первоначальной своей чистоты".

Въ заключеніе всего священникъ Михаилъ просилъ преосв. Кирилла довести объ этомъ до свѣдѣнія Св. Синода и ходатайствовать, чтобы онъ, обративъ вниманіе на бѣдственное положеніе халдейскаго народа, съ свойственною ему апостольскою ревностію принялъ его подъ свое покровительство и на будущее время оградилъ его отъ навѣтовъ вражескихъ извѣстными ему и доступными для него пастырскими средствами.

Получивъ письменное заявленіе, преосв. Кириллъ, черезъ посредство іерусалимскаго патріарха Кирилла II-го, довелъ дѣло халдейскаго священника Михаила до свѣдѣнія великаго князя Константина Николаевича, бывшаго тогда въ Іерусалимѣ. Великій князь изволилъ выразить желаніе, чтобы отъ халдейскаго священника была взята записка о его дѣлѣ.

Тогда священникъ Михаилъ 7 мая 1859 года подалъ великому князю прошеніе слѣдующаго содержанія.

„Съ давняго времени",—писалъ онъ,—„существуетъ подъ державою персидскаго государства одна епархія, называемая Руми-Сехиръ, въ которой живетъ около 30.000 единоплеменныхъ православныхъ христіанъ, остающихся однакоже внѣ всякихъ сношеній съ прочими православными церквами. Единоплеменники и единовѣрцы ихъ находятся и въ русской Персіи, занимая три селенія близъ Эривани, называемыя: Куласаръ, Дугіунъ и Гкіоли. Хотя эти православные христіане персидской епархіи отдѣлены отъ другихъ, лишены всякаго высшаго духовнаго покровительства и естественно, впродолженіе столь долгаго времени, много потерпѣли и пере-

страдали, — однако же, Божіею милостію, они и доселѣ сохранили свою православную вѣру неповрежденною, совершая церковныя чинопослѣдованія на родномъ своемъ (халдейскомъ) языкѣ. Пасутся они двумя митрополитами и двумя епископами... Съ нѣкотораго же времени, частію не имѣя силъ терпѣть дальше отчужденіе и отдаленіе отъ прочихъ единовѣрныхъ церквей, частію же слыша о пропагандѣ католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ, и опасаясь, какъ бы они, проникнувъ, наконецъ, и въ ихъ страну, не распространили ереси и среди нихъ и не совратили народа ихъ, христіане указанной епархіи начали съ болѣе горячимъ усердіемъ молиться Богу и пламенно желать церковнаго соединенія съ какою-либо изъ православныхъ церквей, отъ которой бы могли они получить духовную помощь и покровительство. Но такъ какъ ни одинъ изъ находящихся въ Турціи патріарховъ не имѣетъ удобства простереть къ нимъ руку помощи и только одна церковь русская можетъ принять ихъ подъ свою сѣнь и оказать имъ дѣйствительное покровительство, то, со слезами прибѣгая къ Вашему Императорскому Высочеству чрезъ меня смиреннаго предстоящаго, соплеменнаго имъ іерея, христіане умоляютъ Васъ именемъ всемилостиваго Бога Господа нашего Іисуса Христа, чтобы, сжалившись надъ бѣдственнымъ ихъ состояніемъ, Ваше Высочество сообщили эту усердную просьбу Св. Синоду всероссійскому, дабы онъ, съ апостольскою его попечительностію обративъ внимательный взоръ на это дѣло, изслѣдовалъ доступными ему средствами обстоятельства ихъ и благоволилъ принять ихъ подъ духовное свое покровительство и такимъ образомъ оградить отъ всякой опасности духовной это беззащитное немалочисленное общество христіанъ".

Великій князь передалъ это прошеніе и все дѣло начальнику же русской миссіи въ Іерусалимѣ для дознанія, что можно и должно сдѣлать по нему.

Тогда преосв. Кириллъ приступилъ къ всестороннему обсужденію прошенія халдейскаго священника Михаила, при чемъ его особенно заняли слѣдующіе три вопроса: 1) въ отношеніи къ нему самому, какъ ходатаю отъ лица цѣлаго общества христіанъ—достаточно ли было его посредничества для начала такого дѣла, какое онъ предпринялъ и, въ частности, чѣмъ онъ могъ засвидѣтельствовать данныя ему отъ общества полномочія? Въ прошеніи, поданномъ преосв. Кириллу, онъ выражался, что пришелъ къ желанію сблизить свою церковь съ одною изъ православныхъ церквей во время уже путешествія по Востоку, а въ прошеніи, представленномъ великому князю, онъ говорилъ уже о желаніи всего народа и выражалъ мольбу народную, какъ уполномоченный представитель всего общества; 2) въ отношеніи къ исповѣданію общества, отъ лица котораго дѣйствовалъ священникъ Михаилъ: было ли это православное исповѣданіе, какъ увѣрялъ священникъ Михаилъ, или же несторіанское, какъ думалъ іерусалимскій патріархъ, который и въ прощальной своей бесѣдѣ съ начальникомъ русской миссіи, предъ выѣздомъ изъ Яффы въ Константинополь, рѣшительно утверждалъ, что халдейскій священникъ Михаилъ—несторіанинъ, или же это исповѣданіе было православнымъ въ основѣ и только въ частностяхъ было искажено, на что намекалъ и самъ священникъ Михаилъ въ своемъ прошеніи къ преосв. Кириллу? Наконецъ, 3) въ отношеніи къ будущему положенію епархіи сиро-халдейской, именно: вступивъ въ общеніе съ православною церковію, къ какому изъ центровъ православія могло бы примкнуть это общество христіанъ, не имѣвшее возможности (по мнѣнію преосв. Кирилла) составить самостоятельную церковь? По поводу этого послѣдняго недоумѣнія преосв. Кириллъ говорилъ и съ патріархомъ іерусалимскимъ, поставляя ему на видъ, съ одной стороны, необходимость подчиненія новоприсоединяемаго общества христіанъ какому либо изъ православныхъ центровъ, а съ другой—кажущееся право

антіохійскаго патріарха на власть надъ этимъ обществомъ, такъ какъ предѣлы антіохійскаго патріархата доходили, по крайней мѣрѣ, въ прежнія времена до тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили сиро-халдейцы. Но іерусалимскій патріархъ, съ своей стороны, рѣшительно высказался противъ мысли о подчиненіи сиро-халдейскихъ христіанъ антіохійскому, или другому какому-либо восточному патріаршему престолу, признавая это даже невозможнымъ. Съ такою же рѣшительностію онъ выразилъ мысль, что сиро-халдейскіе христіане, если бы они соединились съ православною церковью, должны были состоять въ зависимости отъ Св. Синода всероссійскаго.

По зрѣломъ обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ, преосв. Кириллъ, съ одобренія іерусалимскаго патріарха, далъ такой отвѣтъ халдейскому священнику Михаилу: „просьба ваша будетъ доведена до свѣдѣнія Св. Синода. И я увѣренъ, что, ради святой вѣры и спасенія 30.000 душъ, церковь русская готова будетъ сдѣлать все возможное. Но для правильнаго начала дѣла необходимо, чтобы управляющіе вашею паствою архипастыри сами вошли въ сношеніе съ Св. Синодомъ, изложивъ письменно какъ свои нужды и желанія, такъ и свое исповѣданіе вѣры“.

И, дѣйствительно, преосв. Кириллъ донесъ обо всемъ этомъ дѣлѣ Св. Синоду 16 іюня 1859 года. Св. Синодъ, по обсужденіи всего дѣла, $\frac{17 \text{ іюля}}{6 \text{ августа}}$ 1859 года рѣшилъ сообщить о содержаніи донесенія преосв. Кирилла министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбою о томъ, чтобы всѣ, изложенныя начальникомъ іерусалимской миссіи, обстоятельства дѣла были разслѣдованы, и чтобы, въ особенности, были отобраны положительныя свѣдѣнія отъ всѣхъ названныхъ халдейскимъ священникомъ Михаиломъ архіереевъ о вѣроисповѣданіи урмійскихъ христіанъ и о томъ, какой высшей іерархіи они желали бы быть подчинены послѣ присоединенія къ православной церкви.

Министерство иностранныхъ дѣлъ 23 ноября 1859 года сообщило Св. Синоду, чрезъ оберъ-прокурора, что оно, вслѣдствіе отношенія оберъ-прокурора Св. Синода отъ 12 августа 1859 г., поручало русскому генеральному консулу въ Тавризъ собрать возможно болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія о находившихся около города Урми несторіанахъ. Генеральный консулъ исполнилъ это порученіе и донесъ министерству слѣдующее.

„Около Урміи“,—писалъ онъ 23 ноября 1859 года,—„въ 50 или 60 деревняхъ живетъ до 8.000 семействъ несторіанъ; но, вѣроятно, являвшійся къ преосв. Кириллу священникъ Михаилъ подразумѣвалъ и несторіанъ, живущихъ въ турецкихъ предѣлахъ. Около 4.000 семействъ урмійскихъ несторіанъ находятся подъ вліяніемъ американскихъ протестантскихъ миссіонеровъ, около 100 семействъ—подъ вліяніемъ миссіонеровъ католическихъ, а остальные подчинены своему патріарху и епископамъ. Протестанты въ особенности обязаны своими успѣхами заведенной ими типографіи для печатанія евангелій, а также заботливости своей о матеріальномъ благосостояніи народа“.

Тоговременный несторіанскій патріархъ Маръ-Шелакъ, по донесенію консула, жилъ въ турецкихъ владѣніяхъ, близъ города Джумамерга; названія четырехъ епархій, кромѣ одной, вполнѣ соотвѣтствовали показаніямъ священника Михаила.

По окончаніи послѣдней персидской войны, около 80 семействъ урмійскихъ несторіанъ, дѣйствительно, переселились въ Эриванскую губернію и присоединились къ православію, продолжая и послѣ того поддерживать постоянныя сношенія съ своими соотечественниками.

Въ послѣднее время, по справкамъ, наведеннымъ консуломъ, между урмійскими несторіанами проявилось желаніе присоединиться къ православной русской церкви, съ каковою цѣлію они и намѣревались вызвать въ Урмію нѣсколькихъ

духовныхъ лицъ изъ эриванскихъ новообращенныхъ своихъ соотечественниковъ.

Къ этому консулъ нашъ прибавлялъ, что всѣ свѣдѣнія о сиро-халдеяхъ онъ долженъ былъ собирать съ крайнею осторожностію, а потому и не могъ еще пока навести справки о сношеніяхъ священника Михаила съ несторіанскими архіереями и о томъ, въ чемъ собственно заключается ихъ отступленіе отъ православной церкви.

На основаніи этихъ свѣдѣній, полученныхъ отъ консула, министерство иностранныхъ дѣлъ, съ своей стороны, признало наиболѣе цѣлесообразнымъ и необходимымъ отправить въ Персію, для собранія основательныхъ и точныхъ свѣдѣній о сиро-халдеяхъ урмійскихъ и ихъ единовѣрцахъ, жившихъ въ предѣлахъ Турціи, довѣренное духовное лицо, которое могло бы навлечь на себя меньше подозрѣній отъ персидскаго и турецкаго правительствъ, чѣмъ гражданскій чиновникъ. Это духовное лицо, пользуясь полнымъ содѣйствіемъ агентовъ русскаго правительства, могло бы, по мнѣнію министерства, съ наибольшею пользою и успѣхомъ совершить это дѣло, отправившись черезъ закавказскій нашъ край и сблизившись съ эриванскими новообращенными сирохалдеями, что облегчило бы миссіонеру заведеніе сношеній съ ихъ прежними единовѣрцами. Отправленіе же православнаго русскаго миссіонера къ урмійскимъ несторіанамъ министерство во всякомъ случаѣ находило безусловно необходимымъ, опасаясь, въ противномъ случаѣ, чтобы протестантскіе миссіонеры не распространили своего вліянія на всѣхъ несторіанъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ ходѣ дѣла, такъ, повидимому, успѣшно начавшагося, произошла остановка, продолжавшаяся около двухъ лѣтъ... Чѣмъ она была вызвана, не можемъ сказать. Мы имѣемъ только свѣдѣнія, что въ это время въ С.-Петербургъ пріѣзжалъ халдейскій священникъ Михаилъ, который и началъ все дѣло въ 1859 году. Но мы ничего не знаемъ

объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось это путешествіе священника Михаила съ далекаго Востока въ сѣверную столицу Россіи: самъ ли онъ предпринялъ его, или же, быть можетъ, онъ явился въ Россію по вызову Св. Синода, переданному ему чрезъ начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ или чрезъ кого другого.

Несомнѣнно, повторяемъ, только то, что халдейскій священникъ Михаилъ былъ въ С.-Петербургѣ въ 1861 году и увѣрялъ здѣсь наше правительство въ томъ, что не только персидскіе несторіане, но и тѣ, которые жили въ азіатской Турціи, числомъ до 20000 семействъ, съ патріархомъ и со всею подчиненною ему іерархіею во главѣ, расположены къ соединенію и, дѣйствительно, соединятся съ православною церковью, если русское правительство пошлетъ къ нимъ избранное и довѣренное лицо для предварительныхъ переговоровъ [1]).

Тогда Св Синодъ, принявъ во вниманіе то, что заявленное халдейскимъ священникомъ Михаиломъ всеобщее расположеніе несторіанскаго общества соединиться съ православною церковью требуетъ точнѣйшаго удостовѣренія и приведенія въ ясность и извѣстность всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ столь важному и серьезному дѣлу $^{15}/_{27}$ сентября 1861 года рѣшилъ послать на Востокъ, согласно съ мнѣніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, архимандрита Софонію, отправивъ вмѣстѣ съ нимъ и сиро-халдейскаго священника Михаила.

Архим. Софоніи [2]), предъ отправленіемъ его на Востокъ, была вручена петербургскимъ митрополитомъ Иси-

---

[1]) См Церковн. Вѣсти 1898 г. № 12, стр. 412 прим.

[2]) Софонія Сокольскій, магистръ VII курса С.-Петербургской духовной академіи; съ 1848 по 1853 г. настоятель посольскихъ церквей въ Константинополѣ и Римѣ, съ 13 марта 1863 г. епископъ новомиргородскій, викарій херсонской епархіи, съ 12 ноября 1878 г. епископъ туркестанскій и ташкентскій; † 1877 г. въ санѣ архіепископа. См м Филаретъ. Собр, мнѣній и отзывовъ, т V М. 1887 г., стр. 325, прим. 1.

дорюмъ 1 октября 1861 года особая инструкція, нарочито составленная въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

По смыслу этой инструкціи, главною цѣлію миссіи архим. Софоніи было собраніе предварительныхъ свѣдѣній объ урмійскихъ несторіанахъ, выразившихъ желаніе соединиться съ православною церковью. Мѣстомъ постояннаго его пребыванія, во время исполненія возложеннаго на него порученія, былъ назначенъ г. Эривань, какъ пунктъ наиболѣе удобный по близости къ нему мѣстечка Кюлассаръ, населеннаго сиро-халдеянами, выселившимися изъ Персіи и принявшими православіе, и по безпрепятственности сношеній съ экзархомъ Грузіи, въ вѣдѣніи котораго состояла миссія, и съ сиро-халдейскими несторіанами.

Въ частности, архим. Софоніи поручалось, негласно и съ возможною осторожностію, для того, чтобы ни въ комъ не возбудить подозрѣнія— ни въ персахъ, опасавшихся вліянія Россіи, ни въ инославныхъ миссіонерахъ, съ давняго времени дѣйствовавшихъ среди урмійскихъ несторіанъ, собрать слѣдующія, возможно болѣе вѣрныя и подробныя, свѣдѣнія: 1) точно ли іерархія урмійскихъ несторіанъ, священники и народъ имѣли расположеніе къ принятію православія, и если это справедливо, до какой степени созрѣла эта готовность? Кто изъ епископовъ и вообще высшихъ духовныхъ лицъ раздѣлялъ это желаніе, и кто не раздѣлялъ, и зналъ ли объ этомъ желаніи патріархъ несторіанскій?

2) не соединяли ли несторіане съ такимъ желаніемъ какихъ либо политическихъ видовъ, напр., переселенія въ предѣлы Россіи, чего они прежде домогались и не могли достигнуть, потому что дополнительными статьями къ туркманчайскому трактату съ Персіею воспрещалось всякое переселеніе изъ Россіи въ Персію и наоборотъ, безъ согласія мѣстныхъ правительствъ?

3) не разсчитываютъ ли несторіане, по принятіи православія, просить у Россіи матеріальнаго пособія на устрой-

ство церквей, содержаніе духовенства, заведеніе школъ и т. п.?

4) какого они держались исповѣданія вѣры, т. е. кромѣ коренного пункта ученія Несторіева, осужденнаго вселенскимъ соборомъ, не усвоены ли этою сектою съ теченіемъ времени еще какія либо мнѣнія, несогласныя съ православною догматикою; для этого желательно было бы знать: а) символъ вѣры, употреблявшійся въ несторіанской церкви: б) толкованіе символа общепринятое или по преданію устно передаваемое; в) обрядность и соединявшееся съ нею значеніе, какъ выраженіе исповѣдуемой вѣры; г) ученіе о почитаніи святыхъ, поклоненіи св. иконамъ, постахъ, праздникахъ, таинствахъ—матеріи ихъ, числѣ и порядкѣ совершенія, о порядкѣ вседневныхъ службъ церковныхъ;

5) сколько было у несторіанъ степеней іерархіи, какая существовала у нихъ организація церковнаго управленія, сколько было епархій и кто ими управлялъ? 6) на какомъ языкѣ совершалось у несторіанъ богослуженіе и какія у нихъ употреблялись богослужебныя книги; 7) были ли у несторіанъ духовныя училища, какія преподавались въ нихъ науки и въ какихъ епархіяхъ они находились? 8) сколько въ урмійской области было заведено училищъ миссіонерами сѣверо-американскими и западно-европейскими, имѣли ли несторіане довѣріе къ нимъ, или же отдавали туда дѣтей только потому, что не имѣли другихъ способовъ для воспитанія дѣтей? На какихъ условіяхъ принимались несторіанскія дѣти въ училища, съ платою за содержаніе и обученіе, или безъ платы, и какія науки преподавались въ нихъ; 9) каковы были вообще успѣхи католической и протестантской миссіи въ Урміи, какъ дѣйствовали эти миссіонеры—тайно, или же открыто и съ вѣдома и дозволенія правительства, и были ли среди обращенныхъ ими духовныя лица несторіанскія?

Такъ широка и сложна была задача, возложенная на архим. Софонію. Безъ сомнѣнія, исполнить эту задачу одно-

му человѣку и при томъ еще въ сравнительно короткій—шестимѣсячный—промежутокъ времени было весьма трудно и даже едва ли возможно, особенно если принять во вниманіе то, что архим. Софонія былъ незнакомъ ни съ мѣстомъ, ни съ людьми, среди которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать, и даже совсѣмъ не зналъ сиро-халдейскаго языка, которому онъ сталъ учиться уже на пути въ Эривань [1]).

Это сознавало, повидимому, и само начальство, которое назначило въ помощь архим. Софоніи двухъ лицъ: халдейскаго священника Михаила и обратившагося изъ несторіанства кюйлассарскаго священника Іоанна Ильина.

Первый изъ нихъ, т. е. халдейскій священникъ Михаилъ, долженъ былъ, подъ руководствомъ и по указаніямъ архим. Софоніи, вонти въ сношенія съ несторіанскими епископами съ цѣлію узнать ихъ расположеніе къ принятію православной вѣры и условія, на которыхъ они желали бы присоединиться къ православной церкви; отъ второго же, т. е. священника Іоанна Ильина, архим. Софонія долженъ былъ незамѣтно, подъ видомъ человѣка желающаго узнать это для себя лично, получить свѣдѣнія о вѣрѣ, богослуженіи, обрядности и внутреннемъ устройствѣ несторіанскаго сирохалдейскаго общества.

Къ сожалѣнію, оба эти помощника архим. Софоніи, къ тому же назначенные не оффиціально, а только частнымъ образомъ прикомандированные къ миссіи архим. Софоніи, оказались не вполнѣ подготовленными и пригодными для того важнаго дѣла, для котораго пришлось имъ потрудиться, какъ это видно и изъ переписки между архим. Софоніемъ и нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ г. Черняевымъ.

Отъ священника Іоанна Ильина самъ Софонія ожидалъ мало пользы для дѣла, о чемъ онъ прямо говоритъ въ пись-

---

[1]) См у митрополита Филарета Собраніе мнѣній и отзывовъ т V ч. I М. 1887 г, стр 326.

мѣ къ консулу отъ 28 декабря 1861 г. Что же касается несторіанскаго священника Михаила, то, по отзыву консула Черняева, ему нельзя было отказать въ живости и предпріимчивости характера, но за то въ немъ были два качества весьма нежелательныя въ человѣкѣ, призванномъ участвовать въ столь важномъ дѣлѣ, какъ миссія архим. Софоніи, а именно: излишняя торопливость и невоздержность на языкъ, доходившая до хвастливости. „Онъ“,—говоритъ консулъ Черняевъ въ своемъ письмѣ къ архим. Софоніи отъ 20 января 1862 года,—„слишкомъ много болталъ здѣсь (т. е. въ Тавризѣ) вездѣ и при всѣхъ случаяхъ о вниманіи оказанномъ ему высокими особами въ Петербургѣ, слишкомъ явно провозглашалъ себя новообращеннымъ изъ несторіанства въ православіе духовнымъ лицомъ“, т. е. другими словами, дѣйствовалъ совершенно вопреки тому, какъ требовалось инструкціею, данною архим. Софоніи, о чемъ ему и вынужденъ былъ замѣтить нашъ генеральный консулъ въ Тавризѣ.

Это обстоятельство, т. е., неподготовленость и ненадежность помощниковъ, указанныхъ самимъ правительствомъ, заставило архим. Софонію искать себѣ содѣйствія у другихъ лицъ. Такими сотрудниками его были, прежде всего, упомянутый выше генеральный консулъ нашъ въ Тавризѣ и затѣмъ два жителя м. Кюйлассаръ братья Мелики—Саядъ и Николай, обращенные изъ несторіанства въ православіе.

Первый своими совѣтами и нравственною поддержкою, а послѣдніе—самымъ дѣломъ значительно облегчили архим. Софоніи выполненіе весьма труднаго и отвѣтственнаго порученія, даннаго ему правительствомъ, особенно на первыхъ порахъ, когда пришлось ему жить и дѣйствовать въ совершенно незнакомой мѣстности и среди совершенно новыхъ людей.

Въ частности, кюйлассарскіе жители, братья Мелики оказались весьма полезными для архим. Софоніи при соби-

раніи имъ свѣдѣній касательно расположенія всего несторіанскаго общества къ переходу въ православіе. Съ этою цѣлію Софонія посылалъ Меликовъ въ самую Урмію, центръ несторіанскаго поселенія, при чемъ поручалъ имъ, въ частности, собрать свѣдѣнія касательно, съ одной стороны, расположенія несторіанъ къ переходу въ православіе и, съ другой стороны, дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди сиро-халдеевъ. При этомъ, хотя инструкція, данная архим. Софоніи, ограничивала кругъ его дѣятельности собственно только урмійскими, т. е. персидскими несторіанами, но архим. Софонія рѣшился нѣсколько расширить на сей разъ кругъ своей дѣятельности, поручивъ Меликамъ узнать о степени расположенія къ переходу въ православіе и среди турецкихъ несторіанъ.

Поводомъ къ этому послѣднему дѣйствію архим. Софоніи послужили слѣдующія два обстоятельства: 1) увѣреніе одного изъ несторіанскихъ епископовъ, Маръ-Денхи [1]), приходившаго изъ Турціи, гдѣ онъ былъ викаріемъ при матранѣ (митрополитѣ), въ Кюйлассаръ въ декабрѣ 1861 года,—увѣреніе его въ томъ, что несторіане, жившіе въ предѣлахъ восточной Турціи, были весьма расположены къ принятію православія и что онъ самъ, Маръ-Денха, между прочимъ, затѣмъ и прибылъ къ архим. Софоніи, чтобы, согласно съ волею своихъ матрановъ (митрополитовъ), заявить ему объ этомъ; и 2) письмо, полученное архим. Софоніею 25 января 1862 года отъ матрановъ Маръ-Хнанишу и Маръ-Іосифа, въ которомъ они умоляли именемъ Іисуса Христа и страшнымъ судомъ Его вступиться за нихъ и вѣрить словамъ викарія ихъ (т. е. Маръ-Денхи) до того, что „уста его пусть будутъ устами ихъ“, хотя они не говорили ясно о томъ, въ чемъ именно нужно было вѣрить Маръ-Денхѣ. Поэтому,

[1]) См. у митрополита Филарета. Собраніе мнѣній и отзывовъ т. V, ч. 1-я стр. 331.

Мелики, собравъ свѣдѣнія объ урмійскихъ несторіанахъ, должны были, по указанію архим. Софоніи, отправиться въ Азіатскую Турцію для личныхъ объясненій съ обоими матранами и даже, если возможно будетъ, съ самимъ Маръ-Шимономъ, т. е. несторіанскимъ патріархомъ.

Но выполнивъ данное имъ порученіе относительно урмійскихъ несторіанъ, Мелики не могли проникнуть въ Турцію, по причинѣ множества снѣговъ на горахъ, черезъ которыя имъ необходимо было переѣзжать, и отправили туда вмѣсто себя пѣшими двухъ айсоровъ урміискихъ и одного священника (Лазаря, изъ самаго города Урміи) съ письменнымъ извѣстіемъ матранамъ, что вся Урмія изъявила согласіе на принятіе православія и что, если и они желаютъ того же, то пусть дадутъ знать объ этомъ.

Отвѣтъ на это письмо отъ матрановъ должны были принести въ Кюйлассаръ урмійскіе айсоры, а священникъ Лазарь имѣлъ идти далѣе, къ несторіанскому патріарху Маръ-Шимону, чтобы вывѣдать образъ мыслей и расположеніе къ православію какъ его самого, такъ и окружавшей его родни, и объ этомъ дать знать въ Кюйлассаръ письменно, или лично архим. Софоніи. 10 апрѣля 1862 года архим. Софоніи сообщили, что въ Кюйлассаръ пришли урмійскіе айсоры и принесли отъ несторіанскихъ матрановъ въ Турціи письменныя извѣстія. Прибывъ туда 11 апрѣля, архим. Софонія, дѣйствительно, нашелъ тамъ айсоровъ и два письма, принесенныя ими: одно отъ матрановъ, а другое отъ несторіанскаго епископа гяверской епархіи въ Турціи—Маръ-Слывы [1]).

---

[1]) По замѣчанію самого архим Софоніи, подлинность перваго письма была несомнѣнна. Приписка о согласіи матрановъ принять православіе была сдѣлана, по увѣренію несторіанскаго епископа Маръ-Денхи, рукою самого Іосифа, молодого матрана, который своеручно писалъ ему и паспортъ И дѣйствительно приписка и паспортъ Маръ-Денхи были написаны одною рукою. Другое же письмо отъ имени епископа Маръ-Слывы (см у митрополита Филарета въ Собр. мн. и отз. т. V, ч. 1, стр. 129) не было скрѣплено никакою печатью, несмотря на то,

Содержаніе того и другого письма было слѣдующее. Матраны, послѣ обычнаго привѣтствія и благожеланія, извѣщали, что осенью (въ ноябрѣ) прошедшаго года они послали въ Россію довѣреннаго отъ себя, епископа Маръ-Денху съ тѣмъ, чтобы вѣрили его словамъ, какъ ихъ собственнымъ, и затѣмъ сообщали краткія свѣдѣнія о томъ, сколько всѣхъ христіанъ жило въ ихъ участкѣ Ноджіо. „Въ нашемъ участкѣ“,—писали они,— „до 2000 домовъ христіанскихъ, а если соединимся всѣ вмѣстѣ, то будетъ въ шесть разъ больше. Церквей у насъ около 300, митрополитовъ 2, епископовъ 4, священниковъ и діаконовъ очень много“. Наконецъ, послѣ описанія насилій и притѣсненій со стороны мусульманъ и просьбы какъ можно скорѣе придти къ нимъ „въ силѣ Божіей“ и освободить ихъ изъ рукъ враговъ, несторіанскіе матраны вручали себя и своихъ пасомыхъ всецѣло въ волю русскихъ, говоря: „освободите ли только насъ изъ рукъ враговъ, оставя на прежнемъ мѣстѣ жительства, или возьмете къ себѣ, т. е. переселите въ Россію? Какъ вы захотите и какъ положите, такъ мы и сдѣлаемъ“ [1]).

что въ немъ было поименовано, кромѣ епископа, до 30 человѣкъ священниковъ, меликовъ и старшинъ участка По объясненію епископа Маръ-Денхи это произошло отъ того, что въ Турціи среди несторіанъ ни епископы, ни священники, ни мелики,—словомъ, никто, кромѣ патріарха и матрановъ, не имѣлъ печати и тѣмъ болѣе не могъ приложить (еслибъ даже и имѣлъ) ее къ актовой бумагѣ.

[1]) Тонъ письма, повидимому, наводилъ на мысль о томъ, что несторіане искали соединенія съ православною церковью не по признанію неправоты своего вѣрованія и не изъ желанія обрѣсти истину, а по сознанію невозможности далѣе переносить насилія и притѣсненія отъ мусульманъ и изъ желанія найти защиту въ Россіи Отчасти это была правда, но, по мнѣнію архим. Софоніи, этого нельзя было ставить несторіанамъ въ упрекъ, а тѣмъ болѣе за это отказывать имъ въ участіи. Неправильное сопоставленіе ими различныхъ цѣлей отнимало у дѣла характеръ чисто церковный, но и не дѣлало его актомъ одной только политики. Кромѣ того, неправильность въ смѣшеніи цѣлей находила извиненіе и оправданіе, съ одной стороны, въ ихъ необразованности и неумѣніи понимать вещи правильно и выражать ихъ въ надлежащей связи и порядкѣ, а съ другой стороны, въ продолжительномъ страданіи ихъ подъ игомъ рабства, изнурившаго душевныя ихъ силы до того, что они сдѣлались какъ бы неспособными къ ощу-

Письмо это было скрѣплено двумя печатями—большою матрана Іосифа, приложенною въ двухъ мѣстахъ, и малою—матрана Маръ-Хнанишу. На правой сторонѣ текста, на полулистѣ было написано другою рукою: „мы оба митрополита турецкой страны, Маръ-Хнанишу и Маръ-Іосифъ въ согласіи принятія нами православной вѣры, Меликамъ Саяду и Николаю, которые присылали къ намъ бумагу изъ Эривани, дали руку“...

Въ письмѣ отъ епископа Маръ-Слывы заключался, главнымъ образомъ, перечень домовъ (3600), селеній (62) и церквей (105, но изъ нихъ 60 были разорены и обращены въ домы мусульманскіе), находившихся въ его епархіи [1]), а

щенямъ и оцѣнкѣ благъ чисто духовныхъ Кромѣ того, заключительныя слова матрановъ: „освободите ли только насъ изъ рукъ враговъ, оставя на прежнемъ мѣстѣ жительства, или возьмете къ себѣ“... и т. д. съ очевидностію показывали, что хотя несторіане, по крайней мѣрѣ, турецкіе и соединяли съ понятіемъ о православіи мысль о переселеніи въ предѣлы русскіе, но только не поставляли ее непремѣннымъ условіемъ своего согласія на принятіе православія, упоминали же они объ этомъ скорѣе для того, чтобы заявить предъ нашимъ правительствомъ свою всецѣлую преданность ему. Очень вѣроятно, впрочемъ, что несторіане надѣялись получить отъ Россіи, послѣ принятія православія, и нѣкоторыя матеріальныя блага, напр., средства на заведеніе школъ, устроеніе храмовъ, обезпеченіе духовенства и т. п. „Духовенство наше“,—говорилъ несторіанскій епископъ Маръ-Денха архим. Софоніи, распрашивавшему его объ этомъ,—„могло бы безбѣдно жить, если бы мусульмане не грабили и насъ и мірянъ нашихъ Церкви у насъ есть и содержатся нескудно; училища также мы могли бы завести и сами. Впрочемъ, если бы въ чемъ либо мы и обратились къ Россіи, какъ, напр, при заведеніи школъ, то, надѣюсь, она не отказала бы и намъ въ томъ, въ чемъ помогаетъ всѣмъ своимъ единовѣрцамъ Но – главное—мы ожидаемъ и желаемъ отъ русскихъ защиты и покровительства, чтобы и мы могли быть увѣрены и обезпечены въ нашей жизни“.

[1]) Цифры, опредѣлявшія количество несторіанскихъ домовъ, церквей, селеній и пр., въ томъ и другомъ письмѣ самъ архим. Софонія признавалъ сомнительными Въ первомъ письмѣ говорилось, что несторіанъ въ участкѣ ноджійскомъ было до 2000 домовъ, а всѣхъ, по соединеніи, будетъ болѣе 12000, во второмъ епископъ Маръ-Слыва говорилъ, что въ его епархіи (Гяверской) было до 3600 домовъ. Но какъ нельзя было допустить, по мнѣнію архим. Софоніи, чтобы епархія Маръ-Слывы была столь обширна, такъ и 2000 домовъ нельзя было относить къ одному ноджійскому участку, составлявшему епархію матрана, потому

въ концѣ письма, не скрѣпленнаго ни печатью, ни подписомъ, было сказано: „а о принятіи нами православія мы дали слово Меликамъ—Саяду и Николаю".

Вообще, по свѣдѣніямъ, собраннымъ архим. Софоніею чрезъ посланныхъ имъ сотрудниковъ, оказывалось, что на присоединеніе къ православной русской церкви были согласны въ урмійскомъ (въ Персіи) несторіанскомъ округѣ матранъ Гавріилъ, подчиненные ему епископы: Маръ-Іоаннъ, Маръ-Іосифъ и Маръ-Илія и кандидатъ на епископство Маръ-Іона, и въ сурдійскомъ (въ Турціи) несторіанскомъ округѣ: матраны Маръ-Хнанишу и Маръ-Іосифъ, епископы ихъ: Маръ-Слыва и Маръ-Саркисъ; викаріи: Маръ-Денха и Маръ-Іоаннъ, т. е. три матрана, шесть епархіальныхъ епископовъ (со включеніемъ сюда Маръ-Іоны) и 2 викарія, а всего 11 абунъ, или, что то же, всѣ несторіанскіе архіереи со всѣмъ ихъ клиромъ и народомъ, исключая пока патріарха несторіанскаго Маръ-Шимона и его епархіи.

Впрочемъ, скоро было выяснено болѣе или менѣе достаточно и отношеніе Маръ-Шимона, патріарха несторіанскаго, къ дѣлу соединенія несторіанской общины съ православною церковью. Выше было сказано, что кюплассарскими братьями Меликами, предъ выѣздомъ ихъ изъ Урміи въ первыхъ числахъ марта 1862 года, былъ отправленъ въ Турцію одинъ священникъ (Лазарь) съ тѣмъ, чтобы онъ побывалъ и переговорилъ о дѣлѣ сначала съ матранами, а потомъ и съ самимъ Маръ-Шимономъ. Съ другой стороны, почти въ то же самое время и архим. Софонія отправилъ изъ Эриванн своего особаго посла прямо въ Кудканусъ къ Маръ-Шимону. Поводомъ къ отправленію особаго посольства въ резиденцію

что далѣе говорилось: „митрополитовъ у насъ 2, епископовъ 4, церквей около 300" и проч. Очевидно, что здѣсь рѣчь шла о цѣломъ округѣ, находившемся въ вѣдѣніи матрана Маръ-Хнанишу, а не объ одной его епархіи, въ которой, по словамъ епископа Маръ-Денхи, было домовъ не болѣе 800, церквей 29, а священниковъ только 18.

несторіанскаго патріарха послужило стеченіе слѣдующихъ обстоятельствъ.

Прежде всего, взять на себя миссію къ Маръ-Шимону вызвался сынъ православнаго айсора, бывшаго когда-то діакономъ въ Урміи, а въ то время проживавшаго въ Кюйлассарѣ. по имени Илія. Этотъ Илія выдавалъ себя за священника, рукоположеннаго, будто бы, самимъ патріархомъ Маръ-Шимономъ, въ бытность сего послѣдняго еще коадъюторомъ при прежнемъ патріархѣ, дядѣ его, но грамоты на поставленіе не имѣлъ. Экзархъ Грузіи [1]) зналъ объ этомъ Иліи по письмамъ архим. Софонія и, имѣя въ виду дать ему между православными айсорами Эриванской губерніи какое-либо мѣсто, требовалъ, чтобы онъ представилъ свою ставленническую грамоту. Съ другой стороны, синодальный оберъ-прокуроръ препроводилъ незадолго передъ тѣмъ (8 февраля) къ архим. Софонію прошеніе двухъ несторіанскихъ священниковъ—Даніила и Шимуна, поданное ими на имя московскаго митрополита Филарета, и поручалъ ему собрать точныя свѣдѣнія о просителяхъ. Но такъ какъ ни епископъ Маръ-Денха, ни священникъ Іоаннъ Ильинъ и никто другой въ Эривани и Кюйлассарѣ не знали и даже не слышали о вышеупомянутыхъ священникахъ, то не оставалось никакого другого средства собрать о нихъ свѣдѣнія, какъ только на мѣстѣ ихъ жительства черезъ какого либо посланца.

Въ виду сейчасъ сказаннаго, архим. Софонія и рѣшился послать къ Маръ-Шимону вышеупомянутаго Илію, который долженъ былъ получить отъ патріарха несторіанскаго грамоту о своемъ поставленіи, разузнать о священникахъ—Даніилѣ и Шимунѣ, которые, по соображеніямъ Маръ-Денхи, должны были принадлежать къ епархіи патріаршей, и, главнымъ образомъ, собрать возможно болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія объ образѣ мыслей патріарха и расположеніи его къ православію.

[1]) Архіеп Евсевій (Ильинскій) † въ 1879 г на Тверской каѳедрѣ

Оба посланные къ несторіанскому патріарху, т. е. Лазарь и Илія должны были, по разсчетамъ архим. Софоніи, возвратиться къ нему въ послѣднихъ числахъ марта 1862 года. Между тѣмъ проходилъ уже и апрѣль, а ихъ не было. Такъ какъ приближался срокъ, назначенный для исполненія порученія, даннаго архим. Софоніи, то онъ рѣшился выѣхать и, дѣйствительно, 27 апрѣля выѣхалъ изъ Эривани, распорядившись, чтобы, если посланные возвратятся скоро по его отъѣздѣ, то бумаги, которыя они принесутъ съ собою, выслать къ нему въ Тифлисъ; если же не скоро, то прислать въ Петербургъ.

Между тѣмъ 11 мая 1862 года, когда архим. Софонія находился еще въ Тифлисѣ, къ нему явился самъ священникъ Лазарь и сообщилъ слѣдующее. Несторіанскій патріархъ Маръ-Шимонъ принялъ его весьма радушно и, когда узналъ о цѣли его прихода въ Кудчанусъ, то заплакалъ и, воздѣвъ руки, сказалъ: „наконецъ, наступаетъ время избавленія нашего отъ враговъ нашихъ. Но письменнаго отзыва о своемъ согласіи присоединиться къ православной церкви несторіанскій патріархъ не далъ никакого, сказавъ, что онъ боится, какъ бы его печать не попала въ руки мусульманъ. Впрочемъ, онъ обѣщалъ, что, если найдетъ удобный поводъ и случай, то постарается прислать свое письменное согласіе съ кѣмъ либо изъ своихъ.

Наконецъ, вскорѣ послѣ того, именно 24 мая 1862 года три кюйлассарскихъ айсора принесли архим. Софоніи въ Тифлисъ письмо отъ несторіанскаго епископа Маръ-Денхи, который извѣщалъ его, что вышеупомянутый Илія возвратился отъ Маръ-Шимона и потому всѣ ожидаютъ Софонію въ Кюйлассаръ; но никакихъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что принесъ съ собою Илія отъ несторіанскаго патріарха, въ письмѣ не сообщалось; архим. Софонія, который въ то время предполагалъ скоро выѣхать въ Петербургъ, не нашелъ для себя возможнымъ возвратиться въ Кюйлассаръ...

Итакъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ архим. Софоніею различными путями, дѣло по вопросу о расположеніи несторіанъ къ принятію православія представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Всѣ несторіанскіе митрополиты и епископы, священники и старшины приходовъ и большая часть несторіанскаго народа, состоявшаго въ ихъ завѣдываніи и жившаго въ предѣлахъ Персіи и Турціи, были согласны принять православіе и присоединиться къ русской церкви. Несторіанскій сиро-халдейскій патріархъ не только зналъ объ этомъ, но, по увѣренію нѣкоторыхъ, и самъ былъ согласенъ вступить въ общеніе съ православною русскою церковью, а чрезъ нее и со всею вселенскою.

Выше было сказано, что архим. Софонія, чрезъ посланныхъ своихъ и особенно чрезъ братьевъ Меликовъ изъ Кюйлассара, старался собрать точныя свѣдѣнія не только о степени расположенія сиро-халдейскихъ несторіанъ къ принятію православія, но также и о дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди айсоровъ. Свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ предметѣ, доставленныя архим. Софоніи, былъ такого рода, что заставляли Софонію ходатайствовать предъ нашимъ правительствомъ о возможно скорѣйшемъ удовлетвореніи стремленія сиро-халдейцевъ къ соединенію съ православною церковью.

Оказывалось, что въ персидскихъ владѣніяхъ протестантскіе и католическіе миссіонеры поселились еще въ концѣ сороковыхъ годовъ XIX в. и жили постоянно въ самомъ городѣ Урміи. Персидское правительство знало какъ объ ихъ пребываніи въ предѣлахъ Персіи, такъ и о цѣли ихъ дѣятельности среди сиро-халдейцевъ. Миссіонеры протестантскіе дѣйствовали энергичнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ католическіе. Главная причина ихъ большихъ успѣховъ заключалась въ томъ, что они свою дѣятельность сопровождали широкою благотворительностію. Обладая большими матеріальными средствами, они входили въ семейныя и вообще житейскія нуж-

ды бѣдныхъ несторіанъ: за однихъ платили подати, другимъ помогали въ содержаніи и прокормленіи семьи, осиротѣвшихъ дѣвицъ выдавали въ замужество, престарѣлыхъ и больныхъ снабжали пищею и лѣкарствами и пр.

Но кромѣ этихъ видовъ, такъ сказать, частной благотворительности, у нихъ были виды благотворенія болѣе общіе и болѣе замѣчательные. Сюда относилось заведеніе ими типографій, аптекъ и школъ.

Типографія была заведена ими въ Урміи. Въ ней печатались книги на языкахъ персидскомъ, арабскомъ, сирохалдейскомъ старомъ и новомъ, всякаго рода: библіи, евангелія, историческіе синопсисы, священныя исторіи, грамматики, ариѳметики, географіи, логики, философіи, разные разсказы и брошюрки нравственно-историческаго содержанія, въ родѣ разсказа „Арабъ—невольникъ“, наконецъ, прописи и буквари. По множеству заготовленныхъ и еще не употребленныхъ въ дѣло запасовъ всякаго рода книгъ, въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, книгопечатаніе ограничивалось одними учебниками, букварями, исторіями, ариѳметиками и т. п., которые непрерывно раздавались всѣмъ учащимся безплатно; точно также безплатно раздавались всѣмъ айсорамъ библіи, евангелія и т. п.

Аптекъ, устроенныхъ сѣверо-американскими миссіонерами, было тогда двѣ: одна въ самомъ городѣ Урміи, а другая въ селеніи Сира. При каждой изъ нихъ, кромѣ аптекарей, было еще по одному врачу. Какъ лѣкарство, такъ и лѣченіе всѣмъ сиро-халдейцамъ предлагались даромъ. Больницъ не было ни одной и всѣ больные были приходящими, или же лѣчились на дому.

Элементарныхъ школъ тѣми же протестантскими миссіонерами было заведено въ 1840—50 годахъ, въ разныхъ мѣстахъ урмійскаго округа, около 50. Онѣ раздѣлялись на два участка, изъ коихъ каждый заключалъ въ себѣ по 25 училищъ и находился въ завѣдываніи особаго смотрителя изъ грамот-

ныхъ айсоровъ. Получая хорошее содержаніе и жалованье, смотрители наблюдали за дѣйствіями преподавателеи айсоровъ и зданіями, а за успѣхами учащихся слѣдили сами миссіонеры. Однимъ изъ такихъ наблюдателей былъ нѣкогда кюйлассарскій священникъ Ильинъ, въ бытность его въ Урміи. Въ школы принимались безмездно и мальчики и дѣвочки (первыхъ всегда было больше), но учились тѣ и другія отдѣльно. Въ школахъ было по два класса, изъ коихъ въ одномъ обучались собственно грамотности, т. е. читать и писать, а въ другомъ преподавались и нѣкоторые предметы, какъ-то: священная исторія, ариѳметика и грамматика. Кромѣ того, въ селеніи Сардагѣ было заведено училище, въ родѣ высшаго или центральнаго, въ которомъ предполагали преподавать ученикамъ географію, гражданскую исторію, логику и философію. Въ этомъ училищѣ предполагалось воспитывать тѣхъ изъ молодыхъ айсоровъ, которые предназначались въ учителя для другихъ школъ.

Впрочемъ, такъ дѣло обстояло съ школами только въ началѣ дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди сирохалдейскихъ несторіанъ. Вскорѣ все это стало слабѣть и падать. Въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, изъ вышеупомянутаго числа школъ едва ли осталась и половина. Кругъ самыхъ предметовъ обученія въ школахъ несторіанскихъ настолько сократился, что въ большей части ихъ стали обучать только чтенію, письму и священной исторіи, или ариѳметикѣ, все же прочее было оставлено и замѣнилось чтеніемъ пророческихъ и новозавѣтныхъ книгъ. Сардагское училище, правда, еще продолжало существовать, но у айсоровъ, видимо, было мало охоты изучать заморскую мудрость.

Главнѣйшая причина охлажденія сиро-халдейцевъ къ школамъ и обученію дѣтей заключалась въ томъ, что въ началѣ открытія школъ многіе изъ айсоровъ не понимали тайныхъ цѣлей, съ какими онѣ собственно заводились, и потому, не имѣя никакихъ другихъ средствъ къ обученію

дѣтей, отдавали ихъ туда охотно и во множествѣ. Когда же они увидѣли, что молодые школьники мало-по-малу теряли въ миссіонерскихъ школахъ народный духъ и вѣрованія отеческія и становились протестантами, всѣ, кто не желалъ протестантизма ни для себя, ни для своего потомства, тотчасъ же перестали отдавать дѣтей своихъ въ школы, въ которыхъ остались только дѣти айсоровъ, уже совратившихся въ протестантство.

Впрочемъ, многіе изъ этихъ послѣднихъ съ теченіемъ времени начали разочаровываться и охладѣвать къ своимъ наставникамъ и принятой отъ нихъ вѣрѣ. Иные же и вовсе оставляли протестантство и возвращались къ вѣрѣ своихъ отцовъ. И это дѣлали не только простолюдины, но и священники, изъ коихъ иные состояли даже на содержаніи миссіонеровъ. Таковы были, напр., священникъ Израиль изъ селенія Широбатъ и священникъ Юхана изъ селенія Чамакіи. Оба они немалое время были протестантами и пользовались особеннымъ вниманіемъ миссіонеровъ—своихъ руководителей, а одинъ изъ нихъ—Израиль имѣлъ даже и должность при типографіи съ полученіемъ хорошаго содержанія; но, понявъ ближе сущность новой вѣры и стремленія миссіонеровъ, оба они отказались отъ всего и возвратились къ родной вѣрѣ. Оба они, будучи священниками на прежнихъ своихъ приходахъ, заявили архим. Софоніи согласіе на принятіе православія.

Замѣчательно, что протестантскіе миссіонеры пытались было совратить даже одного изъ несторіанскихъ епископовъ, но безуспѣшно. Извѣстный уже намъ халдейскій священникъ Михаилъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, утверждалъ, что одинъ изъ несторіанскихъ епископовъ, по имени Іоаннъ (Маръ-Юхананъ) сдѣлался протестантомъ, женился и, оставивъ свою прежнюю паству, поселился въ г. Урміи. Но по собраннымъ архим. Софоніею точнымъ справкамъ, оказалось, что Іоаннъ, дѣйствительно, былъ обольщаемъ миссіонерами и

хотѣлъ принять протестантство; но затѣмъ раздумалъ и не принялъ его (по крайней мѣрѣ, до 1862 года), а тѣмъ болѣе не женился, не оставлялъ своей епархіи и не переѣзжалъ въ Урмію. Замѣчателенъ отзывъ этого епископа о протестантствѣ, показывающій, между прочимъ, и то, къ какимъ средствамъ прибѣгали иногда протестантскіе миссіонеры для пропаганды своего исповѣданія между обитателями далекаго Востока. Отзывъ этотъ былъ сдѣланъ имъ въ присутствіи священника халдейскаго Михаила, двухъ протестантскихъ миссіонеровъ и братьевъ Меликовъ, предъ которыми Маръ-Юхананъ какъ бы жаловался. „Они меня увѣрили“,—говорилъ Маръ-Юхананъ, указывая на своихъ недавнихъ друзей,—„что ихъ вѣра—совершенно та же, что и православно-русская. Между тѣмъ оказалось, что у нихъ нѣтъ ни иконъ, ни постовъ, ни молитвословій“. Изъ этого видно, что миссіонеры, привлекая въ свои сѣти неопытныхъ и необразованныхъ несторіанъ, между прочими убѣжденіями, не пренебрегали и тѣмъ, что выдавали свое вѣроисповѣданіе за православно-русское.

Не менѣе замѣчателенъ и отзывъ матрана (митрополита) Гавріила о протестантскихъ миссіонерахъ и ихъ дѣйствіяхъ между айсорами. По увѣренію Меликовъ, матранъ Гавріилъ неоднократно повторялъ передъ ними, что протестантство, видимо, слабѣетъ и падаетъ между ихъ народомъ, и сами миссіонеры протестантскіе давно уже замѣтили, что едва ли не напрасно усиливаются насадить между айсорами свое вѣроученіе, слишкомъ далекое отъ нихъ по началамъ религіознымъ и слишкомъ недоступное по духу страны, скованной деспотизмомъ. А потому,—продолжалъ матранъ,—сами же миссіонеры нерѣдко говорили и говорятъ, что какъ только явятся здѣсь русскіе миссіонеры, то протестантство и католичество падутъ совершенно. „До какой степени истинны и вѣрны сужденія миссіонеровъ о самихъ себѣ и о дѣлѣ рукъ своихъ, покажетъ время“,—замѣчаетъ, съ своей сто-

роны, архим. Софонія.—„но уже и нынѣ можно видѣть какъ бы проявленіе того, о чемъ они пророкаютъ“. Дѣйствительно, какъ только посланные архим. Софоніи, братья Меликки появились среди айсоровъ, то не смотря на то, что они всячески и тщательно скрывали отъ всѣхъ истинную цѣль своего путешествія, айсоры—протестанты узнали объ этомъ и иногда цѣлыми селеніями заявляли свое согласіе и желаніе принять православіе.

Что же касается католическихъ миссіонеровъ, то дѣятельность ихъ среди айсоровъ была много слабѣе и менѣе успѣшна, чѣмъ дѣятельность протестантовъ. Католическая миссія не имѣла здѣсь ни школъ, ни больницъ, ни аптекъ, ни типографій. Къ тому же католическіе миссіонеры были не такъ и щедры на дѣла благотворительности, какъ ихъ соперники. А потому католики были весьма нелюбимы всѣмъ вообще айсорскимъ народомъ, среди котораго жива еще была память о тѣхъ жестокихъ насиліяхъ, при помощи которыхъ католическіе миссіонеры обратили въ латинство около 100 семействъ несторіанъ, жившихъ въ долинѣ при подошвѣ Курдскихъ горъ. Собственныхъ храмовъ не было ни у протестантовъ, ни у католиковъ, занимавшихся пропагандою среди айсоровъ. Но у католиковъ за то было два ксендза, которые совершали иногда свои мессы и говорили даже проповѣди въ храмахъ несторіанскихъ, за что у нихъ нерѣдко возникали съ несторіанскимъ духовенствомъ пренія, оканчивавшіяся иногда даже рукопашнымъ боемъ.

Таковы были собранныя архим. Софоніею свѣдѣнія о расположеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ соединенію съ православною церковью и о дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди нихъ. Свѣдѣнія эти, какъ сказано, архим. Софонія собиралъ преимущественно чрезъ своихъ сотрудниковъ, особенно двухъ братьевъ Меликовъ, Кюйлассарскихъ жителей, и только отчасти самъ путемъ бесѣды съ нѣкото-

рыми несторіанами. посѣщавшими его въ Эривани и Кюйлассарѣ.

Особенное же вниманіе самъ архим. Софонія обратилъ на изученіе вѣроученія, богослуженія, обрядности и церковнаго устройства несторіанской общины. Онъ много потрудился надъ этимъ и собралъ обширныя свѣдѣнія, имѣющія и нынѣ, когда обращеніе несторіанъ сиро-халдейскихъ собственно говоря еще только началось, весьма важное значеніе и представляющія большой интересъ.

Къ рѣчи объ этомъ мы и переходимъ, при чемъ оговариваемся напередъ, что вездѣ мы будемъ имѣть въ виду время начала шестидесятыхъ годовъ XIX в. и что свѣдѣнія объ айсорахъ-несторіанахъ, ниже излагаемыя, тщательно провѣрены нами при посредствѣ одного изъ членовъ сиро-халдейскаго духовенства, обратившагося въ православіе и воспитывающагося нынѣ въ одномъ изъ нашихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Состояніе несторіанской сиро-халдейской церкви, по свѣдѣніямъ, собраннымъ архим. Софоніею, было таково.

Іерархію ея составляли патріархъ, митрополиты и епископы, которые всѣ называются у сиро-халдеевъ общимъ именемъ абунъ [1]).

Патріархъ былъ высшимъ правительственнымъ лицемъ. Рѣшенія его въ дѣлахъ вѣры и церкви признавались окончательными и не подлежали ни пересмотру, ни измѣненію. Онъ всегда былъ одинъ и назывался Маръ [2]) Шимономъ [3]),

---

[1]) Абуна значитъ по-русски: „отецъ нашъ“.

[2]) Слово „Маръ“ соотвѣтствуетъ греческому „κυρ“ и чрезъ усѣченіе образовалось изъ слова „Марья“ — Господь, какъ греческое слово „κυρ“ изъ „κύριος“.

[3]) Патріархи несторіанскіе именовали себя Шимонами согласно своему вѣрованію и для того, чтобы сохранить память о томъ, что Церковь Христова на востокѣ была основана ап. Петромъ, который между сиро халдейцами былъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Шимона, чѣмъ подъ именемъ Петра.

точно такъ же, какъ іаковитскій патріархъ Маръ-Игнатіемъ. Имя Шимона принималось несторіанскими патріархами при вступленіи ихъ на патріаршество. Оно не замѣняло, а тѣмъ болѣе не унижало прежняго ихъ имени, но, соединяясь съ нимъ, предшествовало ему въ полномъ титулѣ, при чемъ собственное имя служило къ различенію каждаго отдѣльнаго Маръ Шимона отъ всѣхъ другихъ—его предшественниковъ. Въ то время сиро-халдейскимъ патріархомъ былъ Маръ Шимонъ Рувимъ, а предшественникъ его и вмѣстѣ родной дядя назывался Маръ Шимономъ Авраамомъ.

Маръ Шимонъ Рувимъ патріаршествовалъ съ 1861 года и имѣлъ около 20 лѣтъ отъ роду. Причина столь юнаго возраста патріарха заключалась въ томъ, что санъ епископа, митрополита и патріарха у несторіанъ большею частію переходитъ по наслѣдству. Всякій архіерей у нихъ можетъ выбирать себѣ преемника изъ родственниковъ и представляетъ его патріарху на утвержденіе и даже иногда для рукоположенія на мѣсто свое при жизни. Такимъ образомъ, и патріархъ Маръ Шимонъ Рувимъ за два года до смерти дяди своего былъ рукоположенъ имъ во епископа, съ правомъ наслѣдованія патріаршества.

Обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія несторіанскаго патріарха служило небольшое селеніе Кудганусъ, находившееся въ участкѣ Джулаберга, въ предѣлахъ восточной Турціи. Селеніе Кудганусъ состояло изъ однихъ служителей патріарха, въ родѣ бывшихъ у насъ штатныхъ монастырскихъ и архіерейскихъ селъ, и имѣло три церкви. Одна изъ нихъ, во имя Маръ-Шалиты, была первопрестольною: въ ней находилась каѳедра патріарха; въ ней рукополагались всѣ епископы; въ ней же происходило и поставленіе самого патріарха и совершалось мурованіе. Свита патріарха Маръ Шимона Рувима, жившая частію въ одномъ съ нимъ домѣ, частію въ отдѣльныхъ, между церквами, состояло изъ трехъ

священниковъ и шести діаконовъ, изъ этихъ послѣднихъ трое были его дяди, а четвертый—отецъ.

Управленіе патріарха было общее и частное. Первое обнимало всю церковь и состояло въ томъ, что патріархъ 1) утверждалъ представлявшихся ему епархіальными архіереями кандидатовъ на епископство; въ случаѣ же непредставленія кандидата, или неодобренія представленнаго, 2) самъ избиралъ, кого признавалъ достойнымъ и способнымъ къ тому, и рукополагалъ его; 3) возводилъ епископовъ въ достоинство митрополитовъ; 4) награждалъ особенно заслуженныхъ изъ нихъ наперсными крестами; 5) расширялъ, или же сокращалъ предѣлы епархій и даже открывалъ новыя; 6) назначалъ время для мѵроваренія, созывалъ для этого епископовъ и священниковъ и освящалъ мѵро, и, наконецъ 7) утверждалъ расторженіе браковъ, по представленіямъ епископовъ.

Частное управленіе патріарха простиралось на одну его епархію, состоявшую въ упомянутомъ участкѣ Джулаберга, и ничѣмъ не отличалось отъ управленія другихъ епископовъ.

Второе мѣсто въ іерархіи сиро-халдейской несторіанской церкви занимали митрополиты, называвшіеся обыкновенно матранами. Ихъ было два: одинъ въ турецкихъ владѣніяхъ, другой въ персидскихъ. Оба они, кромѣ своихъ епархій, которыми управляли, какъ мѣстные епископы, болѣе или менѣе завѣдывали еще цѣлыми округами, которыхъ было также два—сардійскій (въ Турціи) и урмійскій (въ Персіи). Матраны относительно подчиненныхъ имъ епископовъ и епархій занимали почти такое же положеніе, какъ митрополиты эфоры въ константинопольскомъ патріархатѣ.

Матранъ сардійскій, кромѣ общихъ ему съ матраномъ урмійскимъ правъ и преимуществъ, пользовался еще особенными правами, состоявшими въ томъ, что онъ 1) поставлялъ самого патріарха и находился къ нему, по понятіямъ

сиро-халдейцевъ, въ такомъ же отношеніи, какъ Іоаннъ Предтеча къ Іисусу Христу; 2) дѣлаясь матраномъ, онъ, какъ и патріархъ, принималъ особое имя и назывался Маръ Хнанишу [1], 3) имѣлъ особую круглую печать, которая, по объему своему, почти равнялась печати патріарха и въ которой онъ титуловался начальникомъ, или главнымъ (Шаманъ) восточныхъ христіанъ Сарда; наконецъ, 4) ему одному было предоставлено право имѣть при себѣ викаріевъ.

Означенныя преимущества матрана сардійскаго служили причиною того, что всякій Маръ-Хнанишу имѣлъ большее предъ другими вліяніе на управленіе церковію, а потому пользовался и большимъ почетомъ между своими соплеменниками.

Но тоговременный Маръ-Хнанишу, какъ маститый старецъ, какъ сверстникъ и другъ покойнаго патріарха и какъ кроткій и благочестивый архипастырь, имѣлъ особенное вліяніе на дѣла церковныя и пользовался непререкаемымъ уваженіемъ не только въ народѣ, но и среди самыхъ епископовъ. По преклонности лѣтъ своихъ, онъ уже не управлялъ своею епархіею, а имѣлъ при себѣ, кромѣ двухъ викаріевъ, еще особаго коадъ-ютора, племянника своего, который, будучи рукоположенъ во епископа еще въ 1857 году, былъ возведенъ даже и въ достоинство митрополита, но не принялъ еще имени Маръ-Хнанишу, а назывался просто Маръ Іосифъ.

Епархію матрана Маръ-Хнанишу составлялъ участокъ поджійскій, а каѳедра его находилась въ селеніи Беджеви. Одинъ изъ викаріевъ матрана—Маръ Денха прежде имѣлъ мѣстопребываніе въ селеніи Тиссъ (въ томъ же участкѣ), но съ разграбленіемъ и опустошеніемъ въ 1861 году этого селенія мусульманами, Маръ Денха оставилъ родину и съ

---

[1]) Слово „Хнанишу“ состоитъ изъ 1) Хнанъ, или Ханаанъ=благословенный, и 2) Ишу=Іисусъ, и значитъ: благословенный Іисусомъ.

22 декабря 1861 года сталъ жить въ русскихъ предѣлахъ въ селеніи Кюйлассаръ Эриванской губерніи. Другой викарій, епископъ Маръ Юхананъ имѣлъ свою каѳедру въ селеніи Деріа, гдѣ и жилъ постоянно.

Епархія матрана урмійскаго обнимала весь участокъ Барендугъ и заключала въ себѣ болѣе 50 селеній и часть г. Урміи, называемую Гель Паталиханъ; но каѳедра и постоянное мѣстопребываніе его находились въ селеніи Ардышай.

За матранами слѣдовали епископы, коихъ было семь: пять епархіальныхъ, изъ коихъ два были въ Турціи и три въ Персіи, и два викарія, состоявшихъ при матранѣ Маръ Хнанишу.

Въ Турціи находились несторіанскіе епископы: Маръ-Слыва и Маръ-Саркисъ; первый имѣлъ епархію въ участкѣ Гяверъ, а каѳедру и мѣстопребываніе въ селеніи Бажерья; епархія второго находилась въ участкѣ Джилюй, а каѳедра—въ селеніи Хрампусъ. Въ Персіи жили епископы: Маръ-Юхананъ, Маръ-Іосифъ и Маръ-Илія; епархія Маръ Юханана была одною изъ обширнѣйшихъ, такъ какъ въ ней находилось болѣе 30 селеній, а каѳедру онъ имѣлъ въ селеніи Гявиланъ. Епископы: Маръ-Іосифъ и Маръ-Илія имѣли въ своемъ вѣдѣніи по одному только селенію, которыя и составляли ихъ епархіи: селеніе Ада, въ участкѣ Назлучай, управлялось Маръ Іосифомъ, а селеніе Гюйтапа, въ томъ же участкѣ, Маръ Иліею; первое имѣло 184, а второе 200 домовъ.

Главная причина неравномѣрности несторіанскихъ епархій заключалась въ томъ, что пространство и объемъ всякой епархіи опредѣлялись достоинствомъ епарха, а достоинство этого послѣдняго, въ свою очередь, опредѣлялось числомъ предшествовавшихъ ему епископовъ изъ его рода. Епископы Іосифъ и Илія первые изъ своего рода сдѣлались абунами, а къ тому же ихъ епархіи наиболѣе пострадали отъ распро-

страненія въ нихъ протестантизма; епископъ же Маръ-Юхананъ насчитывалъ въ своемъ родѣ болѣе 10 абунъ.

Кромѣ означенныхъ несторіанскихъ епископовъ, въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, готовился къ рукоположенію въ санъ епископа аркянъ (т. е. архимандритъ) Баба, съ принятіемъ новаго имени Маръ Іоны [1]). Ему имѣла быть дана особая епархія, но какая,—еще не было рѣшено. Въ то время онъ жилъ въ селеніи Супарганъ, принадлежавшемъ къ епархіи патріарха, и управлялъ имъ въ качествѣ епарха [2]).

Итакъ, высшую іерархію сиро-халдейской несторіанской церкви составляли въ данное время слѣдующія лица: одинъ патріархъ Маръ-Шимонъ-Рувимъ, три матрана: Маръ-Хнанишу, Маръ-Іосифъ и Маръ-Гавріилъ, шесть епархіальныхъ епископовъ: Маръ-Слыва, Маръ-Саркисъ, Маръ Юхананъ, Маръ-Іосифъ, Маръ-Илія и Маръ-Іона; два епископа викарныхъ: Маръ-Денха и Маръ-Іоаннъ и одинъ кандидатъ на епископскій санъ—аркянъ Іона.

Низшую іерархію сиро-халдейской несторіанской церкви составляли: священники, архидіаконы и діаконы. Архимандритовъ и игуменовъ у несторіанъ сиро-халдейскихъ не было, потому что съ давняго времени у нихъ не существовало ни одного монастыря. Монастыри были упразднены не вслѣдствіе какого либо каноническаго постановленія церкви, которая всегда ихъ почитала и почитаетъ, но по невозможности ихъ существованія, вслѣдствіе непрерывныхъ мусульман-

---

[1]) Изъ этого отчасти можно заключать, что у сиро-халдеевъ былъ обычай, чтобы поставляемые во епископа принимали новое имя; но было ли на то какое постановленіе у нихъ, распространявшееся на всѣхъ, или же это зависѣло отъ произвола, неизвѣстно.

[2]) Это, какъ видятъ читатели, и есть тотъ Маръ Іона, епископъ супорганскій и урмійскій, который былъ во главѣ депутаціи сиро-халдейцевъ, присоединенныхъ торжественно къ православной церкви 25 марта 1898 года въ Александро-Невской лаврѣ. См Церков. Вѣст. 1898 г. № 13 стр. 453 и слѣд.; ср. тамъ же № 15 стр. 530.

скихъ нападеній и разграбленій, которымъ всегда подвергались прежде всего монастыри. Впрочемъ, архимандритовъ не было у сиро-халдейскихъ несторіанъ только какъ настоятелей монастырскихъ; званіе же архимандрита у нихъ сохранилось и давалось нѣкоторымъ заслуженнымъ духовнымъ лицамъ.

Все низшее духовенство несторіанское должно было находиться въ брачномъ состояніи, при чемъ, если у священника или діакона умирала жена, то ему позволялось вступать не только во второй, но и въ третій и четвертый бракъ, лишь бы только онъ всегда былъ *единыя жены мужемъ*. Но изъ этого правила исключались тѣ родственники абунъ (иногда даже и не родственники), которые назначались ими въ преемники. Такіе заблаговременно отдѣлялись отъ своихъ семействъ и воспитывались особо подъ наблюденіемъ самихъ абунъ, и, если оказывались способными къ жизни духовной, то производились въ діаконы и священники безъ вступленія въ бракъ. Имъ-то незадолго до рукоположенія во епископа давался титулъ аркяна, что, по понятіямъ айсоровъ, означало человѣка, ведущаго монашескую жизнь и готовящагося быть епископомъ, такъ что всякій аркянъ былъ уже утвержденнымъ кандидатомъ на епископство, и наименованіе аркяномъ у нихъ было то же, что у насъ нареченіе во епископа.

Между священниками несторіанскими не было ни степени, ни званія протоіерея. Всѣ они безъ различія называются каша или кашиша (по книжному „кяна“, что значитъ преподобный).

Между діаконами (шамшана) различались первенствующіе, которые назывались архидіаконами. А такъ какъ архидіаконами дѣлались большею частію родственники, или приближенные абунъ, то естественно, что они всегда и отъ владыкъ пользовались особеннымъ вниманіемъ къ себѣ и отъ клира большимъ почетомъ. Отсюда образовалось въ народѣ

понятіе, что архидіаконы въ несторіанской церкви выше и важнѣе священниковъ и что они занимаютъ въ ней мѣсто протоіереевъ и архимандритовъ въ греческой и русской церкви.

Священство у сиро-халдейскихъ несторіанъ пользовалось очень большимъ почетомъ и потому большею частію удерживалось въ родѣ, передаваясь по прямой линіи, какъ это было прежде и у насъ. Поставленіе священника изъ посторонних бывало очень рѣдкимъ явленіемъ, вызывавшимся какими либо особенно уважительными обстоятельствами. Изъ мірянъ во священники могли поступать только благородные (мелики), или учившіеся особенно и много. Священники, дѣти священниковъ, или меликовъ старались обозначать это даже въ титулахъ своихъ, напр., каша Орагамъ, сынъ каши Лазаря, или каша Іедгеръ-меликъ.

Званіе діаконовъ [1]), за исключеніемъ тѣхъ, которые были при абунахъ, не пользовалось у сиро-халдейскихъ несторіанъ особеннымъ значеніемъ и уваженіемъ. Но какъ достиженіе діаконскаго званія было невозможно для простолюдиновъ, хотя бы и грамотныхъ, такъ и сдѣлавшіеся діаконами почти не возвышались надъ классомъ чернорабочихъ. Архим. Софонія лично видѣлъ въ Эривани урмійскаго діакона Ошану, который ежегодно приходилъ въ Эривань для заработковъ и цѣлую зиму плотничалъ, какъ обыкновенный чернорабочій, за малую цѣну.

Отличительныя особенности вѣроученія сиро-халдейскихъ несторіанъ, насколько могъ узнать ихъ архим. Софонія, заключались въ слѣдующемъ.

Основаніемъ вѣроученія сиро-халдейскихъ несторіанъ служилъ никейскій символъ, или, говоря словами ихъ, „вѣрованіе, составленное 318 отцами, епископами, собранными въ

---

[1]) Изъ писемъ русскаго миссіонера священника В. Синадскаго видно, что въ сиро-халдейской несторіанской общинѣ до послѣдняго времени сохранилось званіе *діаконисъ*. См. Церк. Вѣст. 1898 г. № 13 стр. 457.

Никеѣ, городѣ виѳинскомъ, во времена Константина благочестиваго, противу Арія еретика". Но какъ никейскій символъ впослѣдствіи былъ дополненъ изложеніемъ православнаго вѣроученія о Третьемъ Лицѣ Пресв. Троицы на второмъ вселенскомъ соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ, то и сиро-халдеи нашли необходимымъ сдѣлать восполненіе того же члена, и сдѣлали это, только не совсѣмъ точными словами собора. а измѣнивъ ихъ, по своему разумѣнію, такъ: „и во единаго Духа Святаго, Духа истиннаго, иже отъ Отца исходяща, Духа животворящаго". Отсюда произошла первая и болѣе ощутительная разность между символомъ православнымъ и несторіанскимъ.

Другія разности въ символѣ, состоящія частію въ прибавленіи, частію въ опущеніи нѣкоторыхъ словъ и выраженій, а частію въ отличномъ (отъ православнаго) выраженіи одного и того же, явились, какъ слѣдствіе вліянія на сирійскихъ и месопотамскихъ христіанъ со стороны разныхъ символовъ, долго ходившихъ въ древности по Востоку, особенно же символа св. Аѳанасія Александрійскаго, поборника православія. Посему всѣ эти разности были неважны и тѣмъ болѣе не содержали въ себѣ чего либо еретическаго [1]).

---

[1]) Приводимъ самый текстъ несторіанскаго символа вѣры, заимствованный архим Софоніею изъ одной богослужебной сиро-халдейской книги, изъ псалтири, соотвѣтствующей нашей, называемой слѣдованною, хотя она содержала въ себѣ большею частію иныя послѣдованія, чѣмъ наша: „Вѣруемъ во единаго Бога, Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго. И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, *первороженнаго всея твари*, иже отъ Отца рожденна прежде всѣхъ міровъ и несотворенна, Бога истинна отъ Бога истинна, единосущна Отцу, Имже міры сотворены и создана всяческая. Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и вочеловѣчшася, *бывшаго во утробѣ и родившагося* отъ Маріи Дѣвы, и страдавша и распята при Понтійстѣмъ Пилатѣ и погребенна, и воскресшаго въ третій день по писаніямъ; вознедшаго на небеса и сѣдяща одесную Отца и паки готоваго придти судить мертвыхъ и живыхъ И во единаго Духа Святаго, Духа истиннаго, иже отъ Отца исходяща, Духа животворящаго Во едину святую и апостольскую и соборную церковь. Исповѣдуемъ едино крещеніе во оставленіе грѣховъ, воскресеніе тѣлъ и жизнь во вѣки".

Что касается толкованій и болѣе пространнаго изложенія этого вѣроученія, то ихъ, насколько могъ убѣдиться въ этомъ архим. Софонія путемъ нарочитыхъ бесѣдъ съ епископомъ Маръ-Денха и урмійскимъ священникомъ Михаиломъ, совсѣмъ не было у сиро-халдейскихъ несторіанъ.

Догматъ воплощенія Сына Божія исповѣдывался сирохалдеями въ общихъ выраженіяхъ, т. е., что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ и истинный человѣкъ. Что же касается того, когда и какъ соединились въ Немъ Божество и человѣчество, а также и того, сколько воль и дѣйствій въ лицѣ Богочеловѣка. то въ подобные богословскіе вопросы сиро-халдейскіе несторіане, по крайней мѣрѣ, въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, совсѣмъ не входили, довольствуясь тѣмъ, что они ни въ чемъ не противорѣчили никейскому символу вѣры. Архим. Софонія полагалъ, что и тѣ несогласія въ вѣрованіи, которыя такъ сильно волновали нѣкогда христіанскій Востокъ и послужили средостѣніемъ между несторіанскимъ обществомъ и православно-вселенскою церковью, были забыты, или, по крайней мѣрѣ, оставлены къ тому времени несторіанами, среди которыхъ просвѣщеніе совершенно упало. Этимъ объяснялось, по его мнѣнію, и то, почему съ такою увѣренностію и, безъ сомнѣнія, по совѣсти, утверждали несторіанскіе епископы: Маръ Іосифъ (въ бесѣдѣ съ экзархомъ Грузіи Исидоромъ, впослѣдствіи петербургскимъ митрополитомъ) и Маръ-Денха (въ бесѣдахъ съ архим. Софоніею), что несторіане сиро-халдейскіе такъ же православны, какъ и русскіе, и что между тѣми и другими нѣтъ никакого различія.

Но это было справедливо только субъективно, т. е. относительно убѣжденій сиро-халдейцевъ. На самомъ дѣлѣ сиро-халдейцы и въ то время, о которомъ у насъ рѣчь идетъ, съ настойчивостію утверждали, что пресв. Дѣва Марія, родивъ Христа Іисуса, не рождала Бога Слова, рождающагося предвѣчно отъ Отца, и потому есть Христородица, а

не Богородица. Въ то же самое время сиро-халдейцы употребленіе иконъ и поклоненіе имъ считали противными второй заповѣди, чествованіе ангеловъ и святыхъ допускали, но призываніе ихъ на помощь и молитву имъ, какъ ходатаямъ нашимъ предъ Богомъ, признавали излишними, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, единъ есть ходатай Бога и человѣковъ—Іисусъ Христосъ.

Таинствъ сиро-халдейскіе несторіане признавали и содержали семь и тѣ же самыя, какія признаетъ и православно-вселенская церковь. Крещеніе у нихъ совершалось надъ младенцами, чрезъ троекратное погруженіе, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. При крещеніи бывали и воспріемники. Новокрещенный помазывался св. миромъ съ произнесеніемъ словъ: „печать дара Духа Святаго“.

Мyро приготовлялось не изъ кунжутнаго масла, но изъ елейнаго. Мyрованіе происходило не въ опредѣленные сроки, но по усмотрѣнію, какъ того требовала дѣйствительная нужда. Вообще оно совершалось рѣдко и всегда въ каѳедральной патріаршей церкви. Освященіе мyра состояло въ томъ, что въ новосоставленное мyро вливалось нѣсколько стараго, что сопровождалось извѣстнымъ молитвословіемъ.

Покаяніе предшествовало причащенію, но оно было не устное, какъ у насъ, а сердечное, такъ что кающійся не высказывалъ своихъ грѣховъ предъ священникомъ, а исповѣдывалъ ихъ въ тайнѣ души своей предъ Богомъ. Устная исповѣдь у сиро-халдейцевъ прежде существовала, но потомъ была отмѣнена, по слѣдующей причинѣ.

Бывали примѣры, что священники, недовольные за что-либо на прихожанъ, злоупотребляли ввѣренными имъ тайнами, но большею частію сами мусульмане, зная, что священникамъ извѣстна вся сокровенная жизнь ихъ прихожанъ, въ случаѣ подозрѣній, падавшихъ на айсоровъ, истязали священниковъ и муками вынуждали ихъ открывать и выдавать тайны, открытыя имъ на исповѣди.

Евхаристія у сиро-халдейскихъ несторіанъ совершалась на квасномъ хлѣбѣ и винѣ, растворенномъ водою. Хлѣбъ всегда приготовлялся самими служащими и болѣе походилъ на просфору армянскую, или яковитскую, чѣмъ нашу, русскую. На лицевой ея сторонѣ, вмѣсто печати, было четыре крестика. Таковыхъ просфоръ употреблялось три: одна для вынутія Агнца, другая въ честь Владычицы Маріи, а третья за живыхъ и умершихъ.

Причащеніе св. таинъ подавалось подъ обоими видами и мірянамъ, которымъ, впрочемъ, тѣло Христово, обагренное кровію, преподавалось съ дискоса рукою священника, а не ложицею изъ потира. Къ таинству причащенія допускались только здоровые, по надлежащемъ приготовленіи, и въ храмѣ, а больные и умирающіе не напутствовались св. евхаристіею. Поэтому, и св. дары не запасались у сиро-халдеевъ, какъ это дѣлается въ православной церкви.

Вмѣсто напутствованія св. тайнами, у сиро-халдеевъ совершалось надъ больными таинство елеосвященія.

Бракъ у нихъ благословлялся только въ седьмомъ колѣнѣ и допускался второй, третій, четвертый и болѣе. Совершеннолѣтіе опредѣлялось возрастомъ и развитіемъ тѣлеснаго организма брачущихся.

Таинство священства у сиро-халдейскихъ несторіанъ отличалось отъ нашего тѣмъ, что рукополагаемый могъ проходить всѣ степени священства въ одно богослуженіе.

Таинство елеосвященія было въ большомъ употребленіи у сиро-халдеевъ, по вышеуказанной причинѣ; веществомъ его служило то же, что и у насъ, а сущность состояла въ молитвословіи, чтеніи Слова Божія и помазаніи больнаго освященнымъ елеемъ.

Постовъ сиро-халдейскіе несторіане имѣли болѣе, чѣмъ православная церковь, и содержали ихъ строже, не разрѣ-

шая ни въ одинъ изъ нихъ ни на рыбу, ни на икру [1]), а только на масло и то не во всѣ дни. Постъ предъ праздникомъ Рождества Христова начинался съ 1 декабря и продолжался, такимъ образомъ, 24 дня.

Айсоры имѣли слѣдующіе три особенные поста, изъ которыхъ каждый продолжался три дня, а именно: 1) въ честь и память св. Іоанна Златоустаго; онъ бывалъ въ понедѣльникъ, вторникъ и среду между праздниками Рождества Христова и Богоявленія; 2) въ память священномученика Харлампія, въ тѣ же дни на недѣлѣ, послѣ праздника Богоявленія; и 3) въ память пророка Іоны, въ тѣ же дни, на недѣлѣ мытаря и фарисея.

Въ среду и пятокъ сиро-халдеи постились круглый годъ и никогда не разрѣшали поста въ эти дни, кромѣ пасхальной недѣли.

Но они не содержали поста въ день Воздвиженія Животворящаго Креста и въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи. Кромѣ того, такъ какъ они вообще считали день не съ полуночи до полуночи, а съ вечера до вечера, то и постъ по средамъ и пяткамъ начинали съ вечера вторника и четвертка и оканчивали вечеромъ же въ среду и пятокъ.

Праздники господскіе у сиро-халдейскихъ несторіанъ были тѣ же самые, что и въ православной церкви, и падали они у нихъ на одни и тѣ же дни и числа. Но изъ богородичныхъ праздновались только рождество Владычицы Маріи и Успеніе; праздника введенія во храмъ Богоматери не было, а праздникъ Благовѣщенія былъ, но назывался различно: „Ангелъ сошелъ въ Назаретъ“, или „радуйся, Благодатная“

---

[1]) По наблюденію архим. Софонія, это зависѣло не отъ какого-либо особеннаго аскетическаго настроенія несторіанъ, а отъ того, что 1) рыбы и икры у нихъ, особенно у несторіанъ турецкихъ, совсѣмъ не было, и 2) въ продолженіе цѣлаго года они имѣли у себя столько зелени и овощей, что рѣшительно могли обходиться безъ икры и рыбы.

и праздновался не торжественно и не строго, такъ что почти не выдѣлялся изъ ряда работныхъ дней.

Святые, чествуемые сиро-халдейскими несторіанами, не назывались собственно святыми (кадиша) и не различались между собою ни по образу подвижничества, ни по образу кончины. Такимъ образомъ въ святцахъ айсорскихъ не было ни мучениковъ, ни преподобныхъ, ни постниковъ, ни святителей, но ко всѣмъ прилагалось одно и то же обращеніе: „Маръ“ (Маръ Соришу, Маръ Рамзаи). Апостолы именовались Шлиха, пророки Нвіа. Божія Матерь—Марта Маріамъ (Владычица Марія), только къ святымъ духовнымъ писателямъ, извѣстнымъ сиро-халдейской общинѣ или поученіями, или составленіемъ молитвъ, пѣснопѣній и литургій, прибавлялось къ инымъ слово: Малпана (учитель), а къ инымъ Тешкана (проповѣдникъ).

Богослуженіе, совершавшееся у сиро-халдейскихъ несторіанъ, раздѣлялось на постоянное и повременное.

Къ первому относились службы суточныя, или всенощныя, недѣльныя, усвоявшіяся каждому дню недѣли, и годовыя.

Суточное богослуженіе состояло изъ вечерни, утрени и литургіи. Повечерій и полунощницъ у нихъ не было. Часы были и состояли въ чтеніи псалмовъ, молитвъ и тропарей, какъ и у насъ; они пѣлись не отдѣльно, а вмѣстѣ съ другими службами, какъ и у насъ, именно: первый часъ—послѣ утрени, третій и шестой часы—предъ литургіею, девятый—предъ вечернею.

Такимъ образомъ, сиро-халдеицы собирались въ храмъ на богослуженіе три раза въ сутки: вечеръ, утро и полудне, а отдѣльныхъ славословій или службъ они совершали семь, подражая Давиду, *седмерицею днемъ возсылавшему хвалу Богу*.

Въ составъ службъ вечернихъ и утреннихъ входили псалмы, молитвы, пѣснопѣнія и ектеніи. У нихъ употреблялись молитвы и пѣснопѣнія, принадлежавшія слѣдующимъ

ихъ церковнымъ учителямъ и проповѣдникамъ: Маръ-Ефрему Малпанѣ, Маръ-Нерсею Малпанѣ и Маръ-Теодорусу Тешканѣ.

Объ ектеніяхъ неизвѣстно, кѣмъ онѣ составлены; но должно думать, что тѣми же лицами и еще Маръ-Діодорусомъ и Маръ-Несторіусомъ, какъ составителями литургій. Несторіанскія ектеніи (каразуйта—чтеніе въ слухъ), по внѣшнему своему составу, очень похожи на наши. Онѣ состояли не изъ цѣльныхъ моленій, но изъ отдѣльныхъ прошеній, возносившихся священникомъ, или діакономъ и оканчивавшихся призываніемъ: „*помолимся*“, при чемъ на каждое прошеніе поющіе или народъ отвѣчали: „*Господи помилуй*“. Что же касается внутренняго содержанія, то съ этой стороны несторіанскія ектеніи немало замѣчательны. Въ сообразность самыхъ службъ, на которыхъ онѣ читались, ектеніи эти, по содержанію своему, раздѣлялись на вседневныя, седмичныя, годовыя и повременныя.

Ко вседневнымъ ектеніямъ принадлежали тѣ, которыя читались на литургіяхъ; содержаніе ихъ нѣсколько сходно съ содержаніемъ нашихъ ектеній—великой, сугубой и просительной.

Седмичныя ектеніи читались каждый день недѣли на утрени; ихъ—семь, по числу дней недѣли, и онѣ каждую седмицу повторяются. Ектеніи годовыя, или праздничныя, читались по одному разу въ годъ. Содержаніемъ ихъ служила сущность каждаго праздника, т. е. въ нихъ высказывалось діакономъ среди церкви почти все то, что у насъ поется на клиросѣ въ праздничныхъ стихирахъ и канонахъ. Къ годовымъ ектеніямъ относились ектеніи великопостныя. Ихъ нѣсколько: однѣ изъ нихъ возглашались по воскреснымъ днямъ, другія—въ простые дни, и при томъ однѣ на утрени, а другія на вечернѣ впродолженіе всего поста, за исключеніемъ послѣдней недѣли, въ которую на каждый день

положены особыя ектеніи, выражающія сущность воспоминаемыхъ событій [1]).

Всѣ ектеніи имѣли одно и то же начало: „*станемъ добрѣ, станемъ со умиленіемъ*“ и т. д., и затѣмъ нѣсколько прошеній общихъ, которыя неизмѣнно возносились въ концѣ всякой ектеніи, именно: о патріархѣ, епархіальномъ епископѣ и всѣхъ епархіотахъ, о царѣ (имени нѣтъ), о предержащихъ властяхъ и о всемъ мірѣ; первое прошеніе всѣхъ ектеній въ праздники измѣнялось въ томъ отношеніи, что вмѣсто слова: „со умиленіемъ“ читалось: „въ радости“.

---

[1]) Вотъ переводъ ектеніи (чтенія въ слухъ), употреблявшейся сиро-халдейскими несторіанами въ великій пятокъ

1) Станемъ добрѣ, станемъ со умиленіемъ и нелѣностно будемъ молиться и взывать. Господи, помилуй насъ

Народъ: Господи помилуй насъ

2) Живой сошелъ къ мертвымъ и проповѣдывалъ на упованіи блаженство душамъ, содержащимся во адѣ: помолимся.

3) Язвою ребра Своего Онъ исцѣлилъ наши язвы (грѣховныя) и смертію Своею умертвилъ умерщвляющаго насъ: помолимся.

4) Когда Онъ распятъ былъ, небо омрачилось и вся тварь облеклась въ плачъ и сѣтованіе· помолимся

5) Когда Онъ распятъ былъ, силы небесныя (духи) ужаснулись и одно только неизволеніе (собственно· знакъ, киваніе, выражающее нехотѣніе) Отца Его удержало ихъ отъ потребленія распинавшихъ. помолимся.

6) Смертію Своею отверзъ Онъ гробы и воскресилъ мертвыхъ предъ очами Своихъ враговъ и распинателей: помолимся.

7) Онъ окропилъ нашу кровь Своею кровію и очистилъ грѣхи наши, принесши Свое тѣло на вершинѣ Голгоѳы· помолимся.

8) О здравіи св. отцовъ нашихъ маръ (имя рекъ) вселенскаго патріарха. маръ (имя) епископа (или митрополита) нашего и о спасеніи всѣхъ чадъ паствы ихъ· помолимся.

9) О царѣ, предержащихъ властяхъ и всемъ мірѣ: помолимся.

10) Боже милосердный, по милосердію Своему Ты призираешь на всѣхъ· призри и на насъ· помолимся.

11) Свѣтлые ангелы на небѣ омрачились скорбію и земля возстонала въ смерти Его; но и возрадовались всѣ въ воскресеніи Его: помолимся.

12) Пастырю, предавшій душу Свою за овцы Своя и спасшій ихъ Своею кровію, спаси и насъ здѣсь сущихъ отъ лукаваго и помилуй насъ, Господи, помолимся.

Литургій у сиро-халдейскихъ несторіанъ было въ употребленіи три. Одна совершалась ежедневно и называлась діпихи—апостольскою. Сиро-халдейцы вѣровали, что литургія эта составлена Апостолами, когда они были всѣ вмѣстѣ въ Іерусалимѣ, и тамъ начала совершаться ими до исшествія ихъ на всемірную проповѣдь. Другая литургія—Григорія Двоеслова; она была составлена, по мнѣнію сиро-халдейцевъ, Маръ-Теодорусомъ (т. е. Ѳеодоромъ Мопсуетскимъ) и Маръ-Діодорусомъ (т. е. Діодоромъ Тарсійскимъ). Третья литургія была составлена Маръ-Несторіусомъ и пѣлась 4 раза въ годъ: въ день Богоявленія, въ одинъ изъ дней поста послѣ Богоявленія, въ одинъ изъ дней поста пророка Іоны и въ великій четвертокъ.

Недѣльныхъ службъ, по словамъ урмійскаго священника Михаила, у сиро-халдейскихъ несторіанъ не было; но, по мнѣнію архим. Софоніи, онѣ должны были существовать, судя по недѣльнымъ ектеніямъ, только неизвѣстно, въ чемъ эти недѣльныя службы состояли.

Годовыя службы совершались во дни праздниковъ господскихъ, богородичныхъ и святыхъ (напр., Апостоловъ Петра и Павла) и отличались отъ службъ обыкновенныхъ, кромѣ ектеній, нѣкоторыми чтеніями изъ книгъ пророческихъ и пѣснопѣніями, относившимися къ воспоминаемому событію, или къ памяти святыхъ, на подобіе нашихъ тропарей и величаній. То же самое должно сказать и о службахъ великопостныхъ, особенно въ великіе дни послѣдней седмицы, когда воспоминаются страданіе, смерть и погребеніе Спасителя.

Къ службамъ повременнымъ принадлежали, кромѣ совершенія таинствъ, разныя чинопослѣдованія, напр., чинъ водоосвященія, погребенія, освященія храма, поставленія патріарха и др. Отличительную особенность всѣхъ ихъ составляло то, что, при совершеніи ихъ, употреблялись особенныя ектеніи, особенныя молитвословія и пѣснопѣнія.

Храмы у сиро-халдейскихъ несторіанъ были большею частію каменные (встрѣчались иногда земляные, но деревянныхъ не было), всегда обращенные на востокъ и раздѣлялись главнымъ образомъ на двѣ части: собственно храмъ и алтарь. Алтарь отдѣляется отъ храма не иконостасомъ, но преградою, въ которой три входа: двѣ боковыя двери и врата по срединѣ. Престолъ помѣщается обыкновенно противъ среднихъ вратъ, но не на срединѣ алтаря, а у восточной стѣны его, на которой поверхъ престола находится распятіе. Жертвенника въ несторіанскихъ храмахъ нѣтъ, ибо вся литургія совершается на престолѣ; но есть по одну сторону алтаря умывальница, а по другую тандуль (круглое углубленіе четверти на три въ землю) для печенія просфоръ. Престолъ состоитъ изъ четыреугольной каменной доски на каменной же тумбѣ и покрывается одеждою. Антиминсовъ съ илитонами нѣтъ, а вмѣсто нихъ служатъ четыре небольшихъ креста, дѣлаемыхъ выпукло и квадратомъ по срединѣ престольной доски и ближе къ тому краю, гдѣ стоитъ священнодѣйствующій. Эти кресты обозначаются и на одеждѣ напрестольной особенною вышивкою; самая же одежда не отличается отъ нашей.

Утварь церковную сиро-халдейскаго несторіанскаго храма составляютъ: потиръ, дискосъ и лжица, крестъ, евангеліе, кадило и подсвѣчники. Потиръ и дискосъ металлическіе и большею частію оловянные, хотя встрѣчаются и серебряные, тотъ и другой съ крестами, но безъ всякихъ изображеній, рукоятій и шедесталовъ, такъ что первый похожъ на большой стаканъ, а второй—на небольшую тарелку. При совершеніи литургіи, они ставились въ квадратѣ между крестами (что на престолѣ) рядомъ и покрывались воздухами, сначала тотъ и другой особыми, а потомъ оба однимъ.

Ни звѣздицы, ни копія у сиро-халдейцевъ не употребляется, но лжица имѣется и иногда похожа на нашу, а большею частію имѣетъ видъ простой ложечки. Напрестольный

крестъ большею частію съ распятіемъ и употребляется какъ металлическій, такъ и деревянный. Евангеліе употребляется большею частію безъ оправы и небольшаго формата, евангельскія чтенія въ церковныхъ евангеліяхъ располагались не по евангелистамъ, а по днямъ года.

Облаченіе архіерейское состояло изъ бѣлаго подризника (большею частію льнянаго), епитрахили, пояса, омофора и фелони; поручей, палицы, митры и панагіи не употреблялось. Одинъ только патріархъ носилъ крестъ наперсный и въ служеніи и внѣ службы, но не на цѣпочкѣ, какъ у насъ, а на шелковомъ шнурочкѣ, или ленточкѣ. Омофоръ употребляется обыкновенно съ крестами, длиною около двухъ аршинъ съ половиною, но уже нашего и носится не такъ, какъ у насъ. На срединѣ, по длинѣ его, дѣлается прорѣзъ, или вырѣзъ овальный, на подобіе нашихъ епитрахилей, и черезъ этотъ прорѣзъ омофоръ надѣвается на голову, поверхъ епитрахили и пояса, и, такимъ образомъ, производитъ видъ двухъ епитрахилей, имѣющихъ одну іордань, и висящихъ одна спереди, а другая позади. Фелонь представляетъ болѣе длинный, чѣмъ широкій кусокъ матеріи шелковой, или парчевой съ крестомъ по срединѣ. Этотъ четыреугольникъ накладывается, какъ широкій шарфъ, и лежитъ большею частію на плечахъ священнодѣйствующаго, иногда же приподнимается и поверхъ головы, покрывая ее, какъ іаковитское увясло. Посему несторіанская фелонь не прикрѣпляется на груди ни застопками, ни завязками. Подризникъ, епитрахиль и поясъ не отличались отъ нашихъ.

Это архіерейское облаченіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и священническимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что омофоръ священническій гораздо короче епископскаго и видѣнъ только спереди, а сзади изъ подъ фелони его совсѣмъ было не видно. Набедренниковъ священники не имѣютъ. Діаконское облаченіе составляютъ стихарь и орарь, похожіе во всемъ на наши.

Что касается церковнаго управленія, то оно у сирохалдейскихъ несторіанъ было не многосложно и едва ли имѣло особое систематическое устройство, примѣнительное къ особенному положенію ихъ церковной общины.

Главнѣйшіе предметы церковнаго управленія названы нами выше. Кругъ ихъ былъ сравнительно очень ограниченъ. Иныхъ предметовъ управленія вовсе не было, какъ, напр. училищъ, типографій и всего, что было соединено съ ними; другіе были раздроблены по частямъ, какъ, напр. наблюденіе за цѣлостію каѳедръ и непрерывностію наличныхъ епарховъ. Во всякой епархіи за каѳедрою наблюдали родственники абуны, чтобы она не переходила въ чужой родъ, а преемника себѣ избиралъ самъ абуна. Патріарху оставалось послать только избранному кандидату титулъ аркяна и потомъ рукоположить его. Остальныя затѣмъ части духовнаго управленія сиро-халдейскою церковною общиною сосредоточивались въ рукахъ Маръ-Шимона, какъ верховнаго іерарха ея.

Маръ-Шимонъ для управленія подчиненною ему общиною не имѣлъ при себѣ ни коллегій, на подобіе синодовъ и консисторій, ни лицъ оффиціальныхъ, каковы суть протосинкелы, и грамматикосы (на Востокѣ), или благочинные и секретари (у насъ). При обычномъ теченіи дѣлъ, онъ управлялъ единолично, а келейными совѣтниками и помощниками его были ближайшіе родственники его, діаконы и священники, при немъ служившіе. Ихъ онъ употреблялъ и въ качествѣ секретарей, когда нужно было написать что либо, и въ качествѣ курьеровъ, когда требовалось отвезти къ какому нибудь абунѣ указъ, или предписаніе и т. п., что все у нихъ было извѣстно подъ однимъ названіемъ: „кьтава“. Эти „кьтава“ не имѣли никакихъ признаковъ формальности; на нихъ не было ни номеровъ нашихъ, ни скрѣпъ, ни подписей, ихъ не записывали ни въ какія книги; словомъ, при патріархѣ несторіанскомъ, такъ же, какъ и при всякомъ

абунѣ, не было ничего, отзывающагося нашею канцелярщиною и бюрократіей

Но если бы произошли событія особенной важности, то патріархъ могъ приглашать къ себѣ матрана Маръ-Хнанишу, какъ ближайшаго своего сотрудника по управленію всею общиною, могъ также вызывать, по своему усмотрѣнію, и другихъ абунъ и составлять изъ нихъ какъ бы временный соборъ; но все это, вслѣдствіе стѣсненнаго положенія сиро-халдеевъ, едва ли когда бывало, по крайней мѣрѣ, во времена, ближайшія къ намъ. Замѣчательно, что даже и такое первостепенной важности событіе, какъ окончательное рѣшеніе вопроса о присоединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви, совершилось безъ предварительнаго обсужденія его на соборѣ несторіанскихъ абунъ епископовъ [1]).

Епархіальное управленіе у сиро-халдейцевъ было еще проще. Всякій несторіанскій епископъ былъ не болѣе (если только не менѣе), какъ нашъ благочинный; благодаря малой величинѣ епархіи, онъ зналъ всѣхъ своихъ священниковъ и діаконовъ и по имени и по образу жизни. Особенно это должно разумѣть о тѣхъ абунахъ, епархіи которыхъ ограничивались однимъ селеніемъ. Въ случаѣ какой либо жалобы на священника, абуна тотчасъ же призывалъ его къ себѣ, дѣлалъ дознаніе и тутъ же окончательно рѣшалъ всякое дѣло на словахъ. Какъ не было наградъ для поощренія къ трудолюбію и соревнованію, такъ не было и наказаній, состоящихъ въ запрещеніи, низведеніи священника на причетническую должность и лишеніи сана.

Вся должностная дѣятельность абунъ вращалась около двухъ предметовъ: рукоположенія и совершенія, или, правильнѣе, разрѣшенія на совершеніе браковъ.

---

[1]) См Церк Вѣстн 1898 г. № 15 стр. 531.

Дѣлъ ставленическихъ, какъ у насъ, не было. Всякій, ищущій священства, или діаконства, лично являлся къ своему абунѣ и словесно просилъ его о поставленіи. Абуна приказывалъ ему идти въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ читать вечерню и утреню и, если онъ оказывался умѣющимъ дѣлать это, то на слѣдующей же литургіи рукополагался въ иподіакона, діакона и священника. Грамоты ставленныя въ иныхъ епархіяхъ давались, а въ другихъ нѣтъ.

Браки въ шестомъ колѣнѣ, или неясные, по запутанности родства, представлялись абунѣ приходскимъ священникомъ, или же родственниками брачущихся. Абуна, по выслушаніи и разсмотрѣніи всѣхъ связей и отношеній родства, или благословлялъ бракъ тутъ же, или отказывалъ. Разводы среди сиро-халдеицевъ бывали очень рѣдко. Абуна обыкновенно уговаривалъ и мирилъ поссорившихся между собою супруговъ, въ случаѣ же невозможности примиренія, представлялъ при своей запискѣ, или отсылалъ съ своимъ діакономъ разводящихся къ Маръ-Шимону, который и рѣшалъ это дѣло окончательно.

Что лежало въ основаніи подобнаго церковнаго управленія, существовавшаго у сиро-халдейскихъ несторіанъ, трудно было сказать, по мнѣнію архим. Софоніи, немало потрудившагося надъ рѣшеніемъ сего вопроса. Изъ словъ абуны Маръ-Денхи, въ бесѣдѣ его съ архим. Софоніею сказанныхъ, послѣдній заключалъ, что сиро-халдейскіе несторіане, повидимому, не отрицали „Постановленій Апостольскихъ“ и опредѣленій соборныхъ; но сколько соборовъ и какіе именно они принимали, была ли у нихъ какая либо кормчая, какъ у насъ, или номоканонъ, или что-либо въ этомъ родѣ, онъ не зналъ и говорилъ только, что у нихъ всякій Маръ-Шимонъ и всякій абуна управлялъ и дѣйствовалъ такъ, какъ и предмѣстники ихъ; слѣдов., руководился преданіемъ и практикою.

Это и понятно. Извѣстно, что въ 496 г. на несторіанскомъ соборѣ, бывшемъ въ Едессѣ при несторіанскомъ пат-

ріархѣ Бабеѣ, несторіане, установивши болѣе или менѣе полное устройство своей общины, получили и извѣстное уложеніе для управленія дѣлами церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ уложеніемъ они руководились до несчастія великаго, постигшаго ихъ при Тамерланѣ. Съ этого времени, лишившись гражданской свободы, они, конечно, не могли удержать за собою и свободы въ управленіи церковномъ. Воля порабо-тителей сдѣлалась во многихъ случаяхъ закономъ и вопреки церковнымъ установленіямъ и обыкновеніямъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ продолженія рабства, непрерывно убивавшаго духъ и изнурявшаго силы несторіанской общины, она мало-по-малу стала забывать свои каноническія правила и сообразоваться съ духомъ и обстоятельствами времени, а потомъ и опираться на предшествующіе примѣры, какъ на норму управленія, такъ что во времена позднѣйшія закономъ въ управленіи паствою для Маръ-Шимона и абунъ стало служить не уложеніе церковное, а управленіе ближайшихъ предмѣстниковъ ихъ.

Несторіанская община, съ самаго начала отпаденія своего отъ православно-вселенской церкви, всегда отличалась присутствіемъ въ ней богословской учености. Этой послѣдней она была обязана главнымъ образомъ твердостію своего положенія среди разныхъ и многихъ переворотовъ политическихъ, потрясавшихъ Востокъ. Аравійскіе завоеватели не могли уничтожить несторіанство, а багдадскіе калифы относились къ несторіанамъ даже съ большимъ довѣріемъ именно за ихъ образованность. Учености багдадскихъ несторіанъ и вселенская церковь обязана сохраненіемъ многихъ памятниковъ греческой письменности. Даже по завоеваніи Багдада татарами, сиро-халдейскіе несторіане, благодаря главнымъ образомъ своей учености, сохраняли нѣкоторое время свое положеніе, пока, наконецъ, Тамерланъ не нанесъ рѣшительнаго удара несторіанству. Этотъ ударъ положилъ конецъ, можно сказать, навсегда и самой образованности несторіан-

ской. Несчастный народецъ, спасшійся отъ истребленія въ небольшомъ остаткѣ, жившемъ въ горахъ Курдскихъ, возникъ послѣ того подъ прежнимъ названіемъ. но образованность, а тѣмъ болѣе прежняя богословская ученость уже не возрождались въ немъ.

Иго порабощенія. подъ которое подпали сиро-халдеи, поселившіеся въ Персіи и Турціи, рѣшительно заглушало и подавляло въ нихъ всякое стремленіе къ любознательности, такъ какъ съ того времени всѣ ученыя занятія ихъ замѣнились одною думою и одною заботою о сохраненіи своей жизни. Съ того времени сиро-халдейскій народъ сталъ и стоитъ почти неподвижно, на одной и той же ступени умственнаго развитія; съ того времени въ немъ не было и, кажется, доселѣ нѣтъ ни при патріархѣ, ни при митрополитахъ и епископахъ, ни въ городахъ и селахъ ни одной школы духовной, или гражданской въ духѣ народномъ, ни одного училища духовнаго, съ удержаніемъ началъ своего вѣроисповѣданія. Дай Богъ, чтобы теперь. съ присоединеніемъ сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви, подъ покровомъ и при содѣйствіи этой послѣдней, явились школы и возродилась образованность среди сирохалдеевъ православныхъ! Обязанность возрожденія образованности среди сиро-халдеевъ въ духѣ православной вѣры лежитъ прежде всего на тѣхъ представителяхъ сиро-халдейской общины, которые съ такою энергіею и самоотверженіемъ трудились для святаго дѣла присоединенія своего народа къ православной церкви. И мы думаемъ, что это такъ будетъ...

Въ 1860-хъ годахъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, все, что только можно было назвать образованіемъ, заключалось въ одной простой грамотности, т. е. умѣньи читать и писать на современномъ родномъ языкѣ и въ пониманіи древняго, доселѣ сохраняющагося въ богослуженіи, языка. Но и это образованіе, сколько ни скудно оно было, не распространялось на все сиро-халдейское народонаселеніе, а ограничи-

валось почти однимъ только духовенствомъ и переходило отъ отца къ сыну посредствомъ домашняго обученія. Книгопечатанія у айсоровъ не было и церковно-богослужебныя книги, заключающія въ себѣ почти всю ихъ мудрость и все просвѣщеніе, сохранялись черезъ переписку съ большими трудностями.

Правда, въ концѣ сороковыхъ годовъ XIX в. между айсорами урмійскими появилось было просвѣщеніе, но не родное, не изъ нѣдръ народа возникшее, по общему чувству потребности образованія, а чуждое, занесенное съ запада и несродное почвѣ восточной. Поэтому, оно не привилось на сиро-халдейской почвѣ и не принесло существенной пользы айсорскому народу. Большая часть его скоро примѣтила раскинутыя сѣти и, не прельстившись ни безплатностію школьнаго образованія, ни значительностію другихъ благотвореній, которыми хотѣли завлечь айсорскихъ дѣтей въ школы, отвергла и просвѣтителей (т. е. протестантскихъ миссіонеровъ) и самое просвѣщеніе. Съ заведеніемъ школъ въ Урміи, тѣми же миссіонерами была открыта въ самомъ городѣ и типографія для печатанія книгъ на всѣхъ языкахъ, извѣстныхъ восточнымъ христіанамъ. Изъ этой типографіи выпущено было множество книгъ всякаго рода, начиная съ букваря до новѣйшей философіи, но не напечатано ни одной богослужебной книги, ни одного церковнаго поученія, тѣмъ болѣе ни одного творенія отцовъ сирійскихъ. Сиро-халдейская несторіанская община не рѣшилась, очевидно, ввѣрить единственное свое сокровище въ руки обтекающихъ вселенную пришельцевъ и, хотя, по причинѣ возростающаго оскудѣнія и умаленія рукописныхъ экземпляровъ, не отвергла употребленія напечатанныхъ библій и евангелій на старо- и ново-сирійскомъ языкѣ, однако же пользовалась ими съ большою осторожностію, такъ что благонамѣреннѣйшіе изъ айсоровъ предпочитали огромный трудъ переписыванія имѣвшихся у нихъ манускриптовъ даровому пріобрѣтенію книгъ печатныхъ.

Слѣдствія подобной необразованности сиро-халдеевъ отражались на всемъ ихъ бытѣ и въ особенности на состояніи церковной дисциплины и природнаго языка ихъ.

Дисциплина въ несторіанской сиро-халдейской церковной общинѣ, по наблюденіямъ и отзыву архим. Софонія, почти не существовала. Патріархъ, слѣдуя установившемуся обычаю, рукополагалъ представляемыхъ ему кандидатовъ во епископа, нисколько не вникая, способны ли они были къ надлежащему прохожденію того служенія, которому посвящали себя. И впослѣдствіи, по рукоположеніи епископовъ, патріархъ не старался наблюдать за тѣмъ, какъ они пасли ввѣренное имъ стадо Христово. Абуны, въ свою очередь, поставляя священниковъ и діаконовъ, также не считали необходимымъ ни наставлять ихъ въ истинахъ вѣры, ни разъяснять имъ лежащія на нихъ обязанности, ни слѣдить за исполненіемъ ими этихъ послѣднихъ. Отсюда происходило то, что священники и діаконы большею частію исполняли свои пастырскія обязанности небрежно и совершали даже самую литургію безъ должнаго приготовленія и страха Божія, вообще читали и пѣли въ храмѣ спѣшно и невнятно, пѣли иногда просто безобразно, заимствуя всѣ тоны пѣнія и переливы ихъ отъ турокъ, а—что еще хуже—обыкновенно позволяли себѣ во время служенія говоръ и смѣхъ, стояніе печинное и моленіе разсѣянное. Немало было безпорядковъ и своеволія и въ другихъ отношеніяхъ, напр., при раздѣлѣ доходовъ. Священники почти все, что попадало имъ въ руки, считали своею неотъемлемою собственностію. Вообще упадокъ дисциплины и своеволіе среди низшаго сирохалдейскаго духовенства были таковы, что, напр., діаконы безъ позволенія своего священника и священники безъ позволенія и благословенія своего абуны нерѣдко оставляли свою церковь и паству, отлучались, куда и насколько хотѣли, и проживали иногда съ фальшивыми видами отъ мусульманскаго начальства въ разныхъ мѣстахъ то въ видѣ черно-

рабочихъ, то подъ образомъ сборщиковъ пожертвованій на построеніе монастырей (которыхъ не существовало) и церквей. Само собою разумѣется, что подобное отсутствіе церковной дисциплины у сиро-халдейскаго духовенства производило крайне неблагопріятное вліяніе и на паству.

Сиро-халдейскій языкъ, не смотря на то, что существовалъ непрерывно въ живомъ употребленіи, почти не получилъ никакого развитія. Неопредѣленность формъ языка, обороты рѣчи безъ частицъ, показывающихъ взаимное отношеніе словъ и выражаемыхъ ими понятій, неизмѣняемость выраженій, употребляемыхъ съ глубокой древности,—все это, по мнѣнію архим. Софоніи, показывало видимый застой и даже отсутствіе всякой жизни въ языкѣ сиро-халдейскомъ. Всякое письмо, напр., сиро-халдейскаго духовнаго лица непремѣнно начинается словами: *милость и миръ изъ устъ* такого-то къ такому-то, и почти всякое оканчивалось слѣдующими словами: *для мудраго и малаго довольно.*

Самая письменность сиро-халдейская какъ бы нйзошла на ту ступень, на которой она стояла въ началѣ, когда только формировалась и устанавливалась. Въ несторіанскихъ книгахъ позднѣйшаго выхода не было ни заглавій, ни заглавныхъ буквъ, ни знаковъ препинанія, ни раздѣленія статей. Бравшій въ руки такую книгу долго не могъ узнать, что это за книга, а потомъ, когда начиналъ читать ее, крайне затруднялся въ отысканіи смысла рѣчи то по отсутствію строчныхъ знаковъ, то по нераздѣльности статей. Сиро-халдейская книга, какъ бы ни была велика, всегда состояла, отъ начала до конца, изъ одного отдѣленія. Только протестантскіе миссіонеры, начавъ печатать въ своей типографіи книги для сиро-халдеевъ, ввели заглавія и надписи, красную строку, показывавшую начало отдѣленія, и знаки препинанія, которыхъ, какъ сказано, почти совсѣмъ не было у сиро-халдеевъ, довольствовавшихся однимъ только двоеточіемъ.

Средства, какими содержалось сиро-халдейское духовенство, были почти тѣ же самыя, какими содержалось православное греческое духовенство, напр., въ Константинопольскомъ патріархатѣ.

Ближайшимъ образомъ, служившіе алтарю отъ алтаря и питались. Священники, діаконы и низшіе члены сиро-халдейскаго несторіанскаго клира пользовались кружечными доходами, получая отъ своихъ прихожанъ, какъ и у насъ, плату за исправленіе различныхъ требъ. Кромѣ кружечныхъ доходовъ, всѣ они владѣли пахотною землею и занимались воздѣлываніемъ садовъ и огородовъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ отъ нашего духовенства, что у сиро-халдейцевъ духовныя лица сами никогда не занимались обработкою земли, а отдавали ее въ наемъ. Съ другой стороны, т. наз. церковныхъ земель не было у сиро-халдейскаго духовенства, которое наравнѣ со всѣми мірянами платило мѣстному правительству какъ поземельный сборъ, такъ и налогъ за все, чѣмъ владѣло и чѣмъ пользовалось.

Кромѣ сейчасъ указанныхъ средствъ содержанія, общихъ всему клиру, были и особенныя; такъ напр., нѣкоторые священники сиро-халдейскіе занимались овцеводствомъ, а діаконы и причетники разными мастерствами и чаще всего плотничествомъ. Абуны сиро-халдейскіе не пользовались никакими доходами, ни кружечными, предоставляя ихъ сполна причтамъ, ни церковными, употребляя ихъ на поддержку храмовъ; не пользовались они также и емватикіономъ, т. е. сборомъ денежнымъ съ священниковъ и діаконовъ за выдававшіяся ими ежегодно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ грамоты на право служенія впродолженіе года въ извѣстной церкви, какъ это дѣлалось въ константинопольскомъ патріархатѣ, потому что въ сиро-халдейской несторіанской общинѣ и при самомъ рукоположеніи священниковъ и діаконовъ не во всѣхъ епархіяхъ выдавались рукополагаемымъ виды на поставленіе, тѣмъ болѣе они нигдѣ не возобновлялись.

Но абуны сиро-халдейскіе пользовались т. н решитою, т. е. сборомъ со всей епархіи денегъ и всякаго рода провизіи натурою. Деньги собирались въ два срока, отъ 20 до 50 к. въ годъ съ души работающей; натурою же—хлѣбъ, рисъ, масло постное и скоромное, вино, плоды, шелкъ, хлопокъ,—словомъ паства сиро-халдейская дѣлилась съ своими архипастырями всѣмъ, что имѣла сама. Кромѣ того, абуны имѣли въ своемъ распоряженіи огороды, сады и виноградники, отдѣлявшіеся для нихъ состоятельными мірянами. Впрочемъ, все это было условно и неопредѣленно. Какъ плата, дававшаяся причтамъ за требоисправленіе, такъ и решита, собиравшаяся абунами, даже въ одной и той же епархіи были весьма неодинаковы въ каждомъ году, потому что то и другое зависѣло отъ возможности и усердія дававшихъ, а тѣмъ болѣе онѣ были различны въ разныхъ епархіяхъ.

Что касается сиро-халдейскаго патріарха, то источниками содержанія его самого, а также и церквей, свиты и служителей, при немъ находившихся, служили: 1) обыкновенная *решита,* собиравшаяся патріархомъ деньгами и натурою съ своей епархіи; 2) добровольный сборъ, подобный тому, какой былъ извѣстенъ въ константинопольскомъ патріархатѣ подъ именемъ филотимо и какимъ подчиненные епископы благодарили патріарха за рукоположеніе ихъ, и 3) по мнѣнію нѣкоторыхъ, сиро-халдейскій патріархъ получалъ ежегодное жалованье отъ турецкаго правительства, которое прекратило будто бы уплату сего жалованья съ открытіемъ крымской войны съ Россіею. Только въ мартѣ 1862 года распространился слухъ, дошедшій и до архим. Софоніи, будто тоговременный турецкій султанъ прислалъ Маръ-Шимону пешкешъ, состоявшій изъ 300 тумановъ (туманъ=около 10 рублей) деньгами и нѣкоторыхъ вещей. Говорили, что этотъ пешкешъ былъ именно жалованьемъ, которое султанъ возобновилъ Маръ-Шимону по тому поводу, что и самъ сиро-

халдейскій патріахъ около этого времени возобновилъ подать съ своего народа, жившаго въ турецкихъ предѣлахъ. Впрочемъ, архим. Софонія не имѣлъ возможности провѣрить этихъ слуховъ.

Что касается, наконецъ, сиро-халдейскихъ храмовъ, то они содержались всецѣло прихожанами или посредствомъ добровольныхъ денежныхъ пожертвованій, или же посредствомъ земельныхъ надѣловъ, отводившихся въ пользу и на нужды церквей.

Таковы были свѣдѣнія, собранныя, по порученію русскаго—церковнаго и гражданскаго—правительства, архим. Софоніею о сиро-халдейскихъ несторіанахъ, заявившихъ чрезъ своего представителя начальнику нашей второй духовной миссіи о своемъ желаніи принять православіе въ Іерусалимѣ. Цѣль, какая имѣлась въ виду при собираніи этихъ свѣдѣній, была, какъ мы знаемъ, двоякая: въ 1) узнать доподлинно современное состояніе сиро-халдейской несторіанской общины со стороны ея вѣроученія, богослуженія и устройства, и во 2) провѣрить степень и искренность расположенія несторіанъ къ принятію православія. То и другое было необходимо знать нашему правительству для рѣшенія вопроса о томъ, можно ли, дѣйствительно, принять сиро-халдейцевъ въ общеніе съ русскою православною церковью и если можно, то какъ именно это сдѣлать.

Свѣдѣнія, собранныя архим. Софоніею, повидимому, должны были склонять наше правительство въ пользу положительнаго рѣшенія сейчасъ поставленнаго вопроса.

Догматическихъ и обрядословныхъ разностей между православною церковью и сиро-халдейскою несторіанскою общиною было, по мнѣнію архим. Софоніи, очень немного и всѣ онѣ были не существенно важны [1]). Впрочемъ, архим. Софо-

[1]) М. Филаретъ былъ несогласенъ съ такимъ сужденіемъ архим. Софоніи и совершенно справедливо, на основаніи отчета самого же архим. Софоніи См. объ этомъ Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета. Изд. подъ редакціею архим. Саввы. М. 1887 г. т. V, ч. I, стр. 336—337.

нія допускалъ предположеніе, что разностей этихъ въ дѣйствительности могло быть больше, чѣмъ сколько онъ успѣлъ установить; но все говорило за то, что и эти разности не должны быть важнѣе тѣхъ, какія сдѣлались ему извѣстными. „При тѣхъ средствахъ, кои были мнѣ предоставлены“,—говоритъ объ этомъ самъ архим. Софонія,—„я не могъ узнать больше. Даже и то, что узналъ и передалъ, не все одинаково достовѣрно: иное требовало бы повѣрки на мѣстѣ, или лучшихъ свидѣтелей. Вообще разности догматическія и обрядословныя таковы, что происходятъ или отъ причинъ случайныхъ, или отъ недоразумѣній. Слѣдовательно, съ устраненіемъ случайностей и при надлежащемъ разъясненіи существа дѣла, многое умирилось бы само собою и тотчасъ же, а прочее слѣдовало бы предоставить времени“.

Съ другой стороны, расположеніе всего сиро-халдейскаго несторіанскаго населенія къ принятію православія не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Несторіанскій патріахъ хотя и не выразилъ письменно своего согласія на принятіе православія, но, по увѣренію видѣвшихъ его, желалъ быть православнымъ, и только боязнь турецкаго правительства, зорко слѣдившаго за его движеніями, заставляла его до времени молчать объ этомъ. Наконецъ, и со стороны восточныхъ патріарховъ іерусалимскаго, антіохійскаго и константинопольскаго не предвидѣлось никакихъ затрудненій, а тѣмъ болѣе препятствій къ присоединенію сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви; наоборотъ, всѣ они прямо выражали желаніе, чтобы русская церковь взяла въ свои руки это важное дѣло.

На основаніи всего этого и принимая во вниманіе, что дошедшій до персидскаго правительства слухъ о желаніи айсоровъ присоединиться къ русской православной церкви вызвалъ уже со стороны правительства рядъ принудительныхъ мѣръ противъ айсоровъ, архим. Софонія совѣтовалъ, сколько возможно, поспѣшить съ принятіемъ сиро-халдейцевъ

въ православную церковь. Въ видахъ ускоренія дѣла, онъ совѣтовалъ принять айсоровъ не чрезъ муропомазаніе, что должно было занять очень много времени, а по одному только акту, который или самъ Святѣйшій Синодъ составилъ бы, или же предоставилъ бы сдѣлать это уполномоченному, и подъ которымъ бы подписались всѣ представители несторіанской общины, желавшей принять православіе [1]).

Наше церковное правительство сначала энергично взялось было за это дѣло. Въ томъ же 1862 году Св. Синодъ спрашивалъ мнѣнія по дѣлу о присоединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви у митрополита Филарета (Дроздова). Митрополитъ Филаретъ отнесся къ этому дѣлу съ обычною, свойственною ему, осторожною мудростію и глубокою проницательностію. Въ своемъ отзывѣ объ этомъ дѣлѣ онъ подвергалъ сомнѣнію искренность расположенія всѣхъ аисоровъ къ принятію православія, признавалъ невыясненнымъ вопросъ о вѣроученіи несторіанской сиро-халдейской общины, не соглашался съ мнѣніемъ, что несторіанъ можно принять въ православіе не чрезъ актъ муропомазанія и вообще совѣтовалъ отнестись къ этому дѣлу съ возможно большею осторожностію [2]). Это было 1 октября 1862 г.

Въ слѣдующемъ 1863 г. снова поднимался и обсуждался вопросъ въ Св. Синодѣ о присоединеніи несторіанъ, при чемъ и теперь обращались за совѣтомъ къ мудрому московскому святителю, который по прежнему отнесся къ этому дѣлу весьма осторожно и, между прочимъ, совѣтовалъ „потребовать свѣдѣнія и мнѣнія“ отъ преосв. Кирилла, начальника духовной русской миссіи въ Іерусалимѣ [3]). Не знаемъ, обращались ли, дѣйствительно, за отзывомъ о столь

---

[1]) См тамъ же стр 327—328.

[2]) См. тамъ же стр. 333—338.

[3]) См. тамъ же стр. 418—421.

важномъ дѣлѣ къ тому, чрезъ кого началось оно и кто, даже по отзыву митрополита Филарета, могъ „нѣсколько ближе другихъ видѣть дѣло“ [1]). Думаемъ. что не обращались, такъ какъ въ то время уже былъ почти рѣшенъ вопросъ объ отозваніи преосв. Кирилла съ Востока.

Вскорѣ за тѣмъ наступили такія политическія событія, какъ, напр., покореніе Кавказа и война съ Турціей, которыя совершенно отвлекли вниманіе нашего правительства отъ вопроса о присоединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ православной русской церкви.

Но лишь только закончилась послѣдняя русско-турецкая война, приблизившая границу нашего государства къ самому мѣстожительству сиро-халдейскихъ несторіанъ, какъ среди этихъ послѣднихъ съ новою силою пробудилось давнее желаніе и стремленіе принять православіе и стать подъ защиту русской церкви и русскаго государства. Снова начались переговоры, переписка и обсужденіе такого важнаго дѣла, какъ присоединеніе къ нашей церкви цѣлаго, хотя и маленькаго, народа. Св. Синодъ, отнесшійся и на сей разъ къ этому важному вопросу съ глубокимъ вниманіемъ и серьезностію, спрашивалъ мнѣнія многихъ преосвященныхъ архипастырей русской церкви по этому дѣлу. И не смотря на то, что сами сиро-халдейцы усиленно стремились къ соединенію съ православною церковію, обращались съ горячими и слезными моленіями о скорѣйшемъ принятіи ихъ въ православіе и подъ покровъ великой русской церкви и великаго русскаго государства, при чемъ одинъ изъ сиро-халдейскихъ епископовъ (Маръ-Гавріилъ) пріѣзжалъ лично въ Россію хлопотать объ этомъ, тѣмъ не менѣе подготовленіе всего необходимаго для окончательнаго рѣшенія столь важнаго вопроса заняло болѣе 10 лѣтъ [2]). Присоединеніе сиро-халдейскихъ несторіанъ по

---

[1]) См. тамъ же стр. 421.

[2]) См. Церк. Вѣст. 1898 г. № 12, стр. 412.

особо, нарочито составленному для сего, чину, „како пріимати приходящихъ къ православной церкви отъ несторіанскаго вѣроисповѣданія“, совершилось, какъ сказано, только 25 марта 1898 г., т. е. ровно чрезъ 40 лѣтъ послѣ того, какъ оно началось въ видѣ обращенія сиро-халдейскихъ несторіанъ съ просьбою объ этомъ къ Св. Синоду чрезъ преосв. Кирилла Наумова.